

**Ингер Фриманссон
Рольф Бёрлинд
Пер Валё
Тове Альстердаль
Хокан Нессер
Малин Перссон Джолито
Даг Эрлунд
Вероника фон Шенк
Май Шеваль
Хеннинг Манкелль
Ева Габриэльссон
Оке Эдвардссон
Магнус Монтелиус
Анна Янссон
Юхан Теорин
Стиг Ларссон
Силла Бёрлинд
Сара Стридсберг
Оса Ларссон
Катарина Веннстам
Джон-Генри Хольмберг
Темная сторона Швеции (сборник)
Серия «DETECTED. Тайна, покоровшая мир»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12254788
Темная сторона Швеции / Стиг Ларссон, Ингер Фриманссон, Оса Ларссон и др.: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84276-6*

Аннотация

Независимая и демократичная, богатая и процветающая, спокойная и сытая – такой всегда являлась Швеция в представлениях иностранцев. Однако со временем стало ясно, что эта благолепная картина – лишь фасад, лоск на котором тщательно наводили в стране в течение многих лет. Как и везде в мире, здесь широко распространены и процветают многие человеческие пороки. Величайшие мастера жанра предупреждают в своих рассказах о страшных последствиях гнева, жестокости, алчности, зависти, темной страсти, ксенофобии и других «цветов зла». Оса Ларссон, Ингер Фриманссон, Валё и Шеваль, Манкель и Нессер... И конечно же, сам Стиг Ларссон!

Содержание

Вступительное слово	5
Туве Альстердаль	16
Рольф и Силла Бёрлинд	22
Оке Эдвардссон	30
Ингер Фриманссон	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Темная сторона Швеции (сборник)

John-Henri Holmberg

A DARKER SHADE OF SWEDEN

Introduction Copyright © John-Henri Holmberg, 2014

© Хохлова Е. Н., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Вступительное слово

Эта книга уникальна. Перед вами первый сборник шведских детективных рассказов, напечатанный на английском языке и, соответственно, доступный читателям всего мира благодаря глобализации современной культуры. В сборнике представлены семнадцать рассказов шведских авторов. Некоторые увидели свет впервые. Ни один из них ранее не был переведен на английский язык. Рассказы написаны на самые разные темы и демонстрируют широкую палитру стилей. Здесь вы найдете традиционные детективные истории, полицейские истории, легенды и сказки, рассказы, поднимающие социальные и политические темы, а также чисто развлекательные истории. Действие одного из рассказов развивается в недавнем прошлом, но даже современные читатели в Швеции мало знакомы с описываемыми событиями. Действие другого рассказа происходит в будущем. Интересен и сам выбор авторов. В сборнике есть рассказы писательского тандема Май Шеваль и Пера Валё – авторов десяти детективных романов, написанных в период с 1965 по 1975 год. Именно они вывели шведскую криминальную литературу на мировую авансцену и радикально изменили к ней отношение как за рубежом, так и в самой Швеции. Их стиль оказал влияние на целое поколение шведских детективщиков. Присутствует в сборнике и рассказ Стига Ларссона, ставшего самым читаемым шведским автором благодаря своей трилогии «Миллениум». Помимо этого, читатель найдет в книге рассказы любимых и уважаемых писателей Швеции, работающих в жанре детективной литературы. Все авторы, представленные в сборнике, номинировались на премию «Золотая отмычка», которая с 1994 года вручается Шведской детективной академией, и выиграли двенадцать из двадцати призов за лучший детективный роман года, а также восемь «Хрустальных ключей» в номинации «Лучший детектив» из восьми, полученных шведскими авторами. Не обойдется тут и без сюрпризов. Один из них – впервые издающийся рассказ Эвы Габриэльссон, подруги жизни Стига Ларссона, архитектора и автора научно-популярной литературы. Другой – рассказ Сары Стридсберг, одной из самых известных серьезных писательниц Швеции. До выхода этого сборника ее никто не связывал с детективным жанром.

При составлении сборника моей целью являлось как можно более широко представить современную шведскую детективную литературу со всеми ее стилями и субжанрами, чтобы продемонстрировать, какие вопросы сегодня поднимают шведские авторы, как разительно отличается их стиль письма и как многогранно и богато идеями их творчество. Здесь я должен заметить, что в рассказах присутствует много отсылок к местам, обычаям и фактам, известным только шведам. В сносках я попытался кратко осветить эти моменты. Я надеюсь, мои пояснения помогут читателям-нешведам получить больше удовольствия от чтения. Издание этой книги стало возможным благодаря огромному интересу публики по всему миру, и не в последнюю очередь британских и американских читателей к шведской литературе. Интерес этот за последние пять лет, прошедших со времени выхода книг Стига Ларссона на английском языке в 2008 году, только увеличивался. Сегодня шведская литература – издательский феномен. За сорок лет, прошедших между выходом книг Шеваль и Валё, а также Стига Ларссона, шведские писатели уже переводились на другие языки, в основном европейских стран. Англоязычным читателям были знакомы лишь несколько писателей, например Хеннинг Манкелль, чьи книги переводятся с 1997 года. Но, разумеется, в Швеции существовали хорошие писатели и до Шеваль и Валё. Тем, кто интересуется историей развития шведской детективной литературы, я советую прочитать последующий текст. В нем представлены краткая история жанра, критические замечания и моя личная точка зрения на то, в каком направлении происходило это развитие.

Детективный жанр довольно широк и вмещает в себя самые разные истории. Существуют классические детективы на основе рациональной дедукции, подобные новеллам Эдгара Аллана По, сэра Артура Конан Дойля, романам Агаты Кристи, Дороти Л. Сэйерс, Эллери Куина и многих других. Есть крутые триллеры про частных детективов от Дэшила Хэммета, Рэймонда Чандлера, Микки Спиллейна, Росса Макдональда, Уолтера Мосли, Сары Парецки, Денниса Лихейна. Существуют психологические триллеры, например пера Дафны Дюморье, Патрисии Хайсмит, Рут Ренделл. Довольно распространен жанр шпионского триллера, создателем которого считается Сомерсет Моэм. Его дело продолжили Йен Флеминг и Джон Ле Карре. В Швеции в этом жанре работает только Ян Гийю, чьи тринадцать романов о шведском секретном агенте Карле Хамильтоне пользуются бешеной популярностью с 1986 года. По той причине, что у Гийю в этом жанре нет соперников, я не буду обсуждать его творчество в этой статье. Мы еще не упомянули нуар, но я считаю, что в жанре нуар главное – эмоциональная атмосфера, а не сюжетная линия, хотя в романах всех гуров жанра – Корнелла Вулрича, Дэвида Гудиса, Джима Томпсона и Роксаны Гэй – присутствуют преступления. Но не они играют главную роль, а ощущение беспомощности и безнадежности, пронизывающее истории в стиле нуар. Есть много романов, в которых описывается повседневная работа полицейских. Ведущими авторами в этом субжанре являются Джон Кризи и неподражаемый Эд Макбейн. Весьма популярны триллеры про серийных убийц. Среди них можно выделить «Психопата» Роберта Блоха, «Бег зверей» тандема Барри Молзберга и Билла Пронзини, «Молчание ягнят» Томаса Харриса. И я еще не упомянул бесчисленные судебные, финансовые и политические триллеры. Все эти поджанры впервые появились в Англии и в США. Детективный роман, крутой триллер, полицейский роман и другие ответвления – изобретение англосаксонской литературы. Но, как и научная фантастика, детективная литература быстро стала популярной и в других странах, и сегодня в этом жанре работают писатели по всему миру.

Около сорока лет назад американские и британские читатели узнали о существовании шведских детективов. Произошло это благодаря книгам об инспекторе Мартине Беке, написанным Май Шеваль и Пером Валё. После перевода на английский язык они стали бестселлерами и печатаются до сих пор. Поэтому невозможно утверждать, что о шведской детективной литературе никто не знал до появления Стига Ларссона десять лет назад. До выхода в печать «Девушки с татуировкой дракона» – первой книги трилогии «Миллениум» – зарубежные читатели охотно читали Шеваль и Валё и Хеннинга Манкелля. Но только книги Стига Ларссона стали международным бестселлером. Именно его успех привел к тому, что другие шведские авторы привлекли внимание зарубежных издательств. Многих авторов, включая старшее поколение, перевели на английский язык, чем они обязаны исключительно Ларссону.

Однако мало кто в курсе того, что происходило в шведской детективной литературе до Шеваль и Валё. А ведь за сорок лет до них еще один шведский автор пользовался международной славой. Я говорю о Фрэнке Хеллере (псевдоним), которого охотно читали в Европе и США в двадцатые годы прошлого века. Фрэнк Хеллер был первым шведским детективщиком, которого начали переводить на другие языки. Но детективы в Швеции писали и до него. Этот жанр процветал уже в начале века, однако об этом мало кому известно. Литературоведы считают, что шведская детективная литература началась с романа «Стокгольмский детектив», напечатанного в 1893 году. Автором его являлся Фредерик Линдхольм, предпочитавший писать под псевдонимом Принц Пьер. Его примеру последовали другие авторы, и в течение нескольких лет детективы выходили в основном под псевдонимами. У писателей были разные мотивы сохранять анонимность, но главным являлось, конечно, желание не ассоциироваться с «грязным и вульгарным чтивом», которым тогда считалась развлекательная литература.

«Стокгольмский детектив» нельзя считать бестселлером. Эта книга была забыта на многие годы. Ее переиздали только через сто лет, чтобы отметить юбилей. Но другие книги пользовались популярностью. В 1908 году викарий Оскар Вогман опубликовал под псевдонимом Стуре Стиг два сборника пародий на рассказы о Шерлоке Холмсе. Пародии были написаны весьма талантливо и с юмором. Их читают до сих пор. Произведения Стуре Стига можно назвать одним из самых ранних примеров детективной литературы в Швеции. Одним из читателей, согласно его собственным словам, был юный Гуннар Сернер (1886–1947), вундеркинд, поступивший в Лундский университет в возрасте шестнадцати лет и защитивший докторскую диссертацию (на английском языке на тему языка Суинберна) в двадцать четыре часа. Сернер происходил из бедной семьи и был вынужден учиться в кредит. В конце концов ему пришлось прибегнуть к подделке банковских кредитных поручений. В сентябре 1912 года он бежал из Швеции. Сернер решил попытать счастья в азартной игре в казино в Монте-Карло. Однако он все проиграл и занялся писательским ремеслом. Здесь ему повезло. Его произведения начали продаваться под разными псевдонимами. В случае Сернера псевдоним был необходим: писателя разыскивала шведская полиция. В 1914 году Сернер опубликовал свой первый роман под псевдонимом Фрэнк Хеллер и продолжал писать под ним до самой смерти. Под именем Хеллер вышли сорок три романа, несколько сборников рассказов и путевые заметки. Он также выступал в роли составителя сборников детективных и научно-фантастических рассказов. Писал он и поэзию. Произведения Хеллера стали бестселлерами в Швеции и самой популярной шведской развлекательной литературой за пределами страны. Они отличались юмором, изобретательностью, атмосферностью и оригинальными персонажами, среди которых были мошенники, аристократы и авантюристы. По его романам сняли пять кинофильмов. Восемь романов выпустило в США издательство «Кроувэл» в двадцатые годы. Фрэнк Хеллер – за одним исключением – лучший шведский детективщик первой половины двадцатого века. Его книги актуальны и востребованы до сих пор.

Исключением же является небольшой роман Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас» (1905), признанный шедевром шведской литературы двадцатого века. Но этот роман никогда не рассматривали как детективный. В нем рассказывается о молодом враче, решившем совершить убийство. Эта история не только холодит кровь, но и дает очень убедительный портрет хорошего человека, способного на дурной поступок.

Из ранних шведских детективщиков можно еще упомянуть Харальда Йонссона, писавшего под псевдонимом Робинзон Уилкинс. Его персонажа – гениального сыщика Сведе Фреда Хеллингтона пригласили расследовать преступления в Скотланд-Ярд. Самуэль Аугуст Дусе писал под именем С. А. Дусе. Он опубликовал тринадцать романов об адвокате и гениальном детективе Лео Кэрринге. Произведения Дусе можно назвать банальными, расистскими или снобистскими, но нельзя умалять оригинальность некоторых сюжетов. В романе «Дневник доктора Смирноса» Дусе в 1917 году позволил убийце освещать в дневнике ход расследования, не раскрывая до самого конца книги своей роли в преступлении. Этот ход потом гениально использовала Агата Кристи в романе 1926 года «Убийство Роджера Экройда».

Юлиус Регис, подписывавший романы Юл. Регис, а на самом деле носивший фамилию Петерссон, стал весьма популярен после выхода десяти детективов, в большинстве из которых действует журналист и детектив Морис Вальон. Все эти писатели творили до тридцатых годов. Своим героям они давали нешведские имена. Детективный жанр считался иностранным, и писатели пытались придать произведениям «интернациональный» флер, заимствуя иностранные имена и названия. Правда, Фрэнк Хеллер в этом смысле оставался исключением. Его герои были шведами, но вот действие романов развивалось за пределами Швеции. Вместо того чтобы импортировать детектива, он поместил шведа за границу.

Причины стремления к такой интернациональности были налицо. Иностранные детективы пользовались большой популярностью. Рассказы о Шерлоке Холмсе появились в Швеции уже в 1891 году. За ними последовали произведения Мориса Леблана, Честертона, Р. Остина Фримена, Агаты Кристи, Дороти Сэйерс, Фримена Уиллса Крофтса и других британских и американских писателей. В тридцатые годы в Швеции появились первые литературные журналы, посвященные детективам. Они разительно отличались от подобных журналов в США в тот период и больше напоминали немецкие журналы, посвященные развлекательной литературе. Издавались они в небольшом формате и соединялись скрепками. Вместо коротких рассказов в нескольких номерах печатали одну длинную историю. В основном там издавались переводные произведения. Даже те рассказы, что были написаны шведами, подавались как переводы. Действие развивалось в Англии или США. В качестве псевдонимов авторы брали английские имена. Эти журналы выходили до начала шестидесятых, но в последние годы сильно конкурировали с дешевыми книгами в бумажных обложках.

Первым шведским автором, выбравшим местом действия для своих романов Швецию и сделавшим своими героями шведских детективов, был Стиг Трентер. Рассказчиком в этих книгах является фотограф Харри Фриберг, а преступления раскрывает его друг, инспектор Веспер Йонссон. Перу Трентера принадлежат самые любопытные описания Стокгольма в послевоенные годы. Он написал двадцать шесть книг в период с 1943 по 1967 год. Последние – в соавторстве с женой Уллой Трентер, которая после его смерти выпустила еще двадцать три детектива, заимствуя героев у мужа. Но нельзя не заметить, что сюжеты у нее намного слабее, а стокгольмские пейзажи, ставшие фирменным знаком произведений Трентера, не сравнить с оригинальными. Считается, что Стиг Трентер стал первым детективным автором, получившим признание шведских критиков.

Ему подражали другие известные авторы, например Мария Ланг – псевдоним Дагмар Ланге (1914–1991). Из-за обилия эротики ее романы часто ошибочно относят к женским романам с детективной линией. В любом случае первый роман Ланг «Не только убийца лжет» (1949) был весьма смелым для тех лет. В нем автор с симпатией описывает убийцу-лесбиянку, которая пошла на преступление из страсти. Разумеется, читатели были в шоке. В своих последующих романах Ланг уже проявляла осторожность, боясь за свое место школьного директора. Тем не менее критики-мужчины заклеили ее книги как эротическое чтение. В ее романах женские персонажи (детектив всегда мужчина) отпускают комментарии о внешности мужчин, их брачных перспективах и сексуальной привлекательности, то есть делают все то, что обычно делают в отношении женских персонажей мужские в детективах, написанных авторами-мужчинами. Критики-мужчины усмотрели в этом отсутствие таланта у писателя.

Первым шведом, писавшим о профессиональных полицейских, был Вик Сунесон – псевдоним Суне Лундквиста, автор более тридцати романов и сборников рассказов, написанных с 1948 по 1975 год. Его произведения можно назвать экспериментальными. Он экспериментировал с рассказчиками, сюжетами, временной последовательностью и психологизмом. За Сунесоном последовал Ханс Кристер Рёнблум, опубликовавший в 1954 году роман об историке и учителе Пауле Кеннете, который пытался раскрыть преступление не из чувства справедливости, а из стремления соблюсти историческую достоверность. Кристера уже можно назвать первым современным автором шведских детективов. Мне же весьма любопытны описания жизни маленького городка в его творчестве. За идиллией повседневной жизни скрываются коррупция, религиозная нетерпимость, сексизм, расизм, косность взглядов и эгоизм, против которых восстает дотошный, честный и прямой Кеннет. Журналист Рёнблум поздно обратился к писательству и рано умер (1901–1965). Он успел издать лишь десять романов.

Таким образом, шведы в двадцатом веке читали в основном переводные детективы, за несколькими исключениями, например Фрэнка Хеллера. Критики же вообще не обращали внимания на этот жанр. Хеллера, конечно, хвалили за эрудицию и изобретательность, но также обвиняли в развращении молодежи, которое усматривали в том, что он воспевал в своих книгах аморальных мошенников. Постепенно переводные детективы, главным образом английские и американские, получили одобрение общества, и их стало можно читать открыто, не боясь порицаний. Детективы оказались любимым развлекательным чтивом для среднего класса. Это открыло дверь шведским авторам, работавшим в том же стиле, – Трентеру, Ланг, Сунесону и Рёнблumu. В своих книгах они тоже описывали жизнь состоятельного среднего класса. За некоторыми исключениями эти произведения довольно банальны и консервативны; в них отсутствуют смелые сюжеты и социальная критика, которых не боялась, например, Агата Кристи. Книги этих писателей печатались в уважаемых шведских издательствах. Здесь нужно отметить Черстин Экман, которая появилась на издательской сцене в начале шестидесятых. Ее первые романы были обычными детективными историями, в дальнейшем же она обратилась к серьезной литературе. Тем не менее писательница часто включала в свои романы детективные элементы, и некоторые из ее книг вполне можно отнести к детективному жанру. В 1978 году Экман стала единственным автором развлекательной литературы и третьей женщиной, являющейся членом Шведской академии за всю историю ее существования.

Долгое время шведские литературные критики и интеллектуальная элита считали любую развлекательную литературу, включая детективы, вульгарной. Но это не мешало ей появляться на страницах журналов и полках табачных и газетных киосков – в магазины ее пустили не сразу. К середине пятидесятых появилось приблизительно несколько сотен детективов в мягкой обложке. Шведы познакомились с триллерами Питера Чейни, Микки Спиллейна, Джеймса Хэдли Чейза, но критики не спешили рецензировать их в газетах. Вся эта литература была за границами уважаемого и солидного книжного бизнеса. В шведских энциклопедиях отмечено, что первые покеты появились в Швеции в 1956 году. В этот год одно из главных издательств начало выпускать книги в бумажном переплете и продавать их в книжных магазинах. Можно говорить о наличии в тот период политики двойных стандартов. «Синие воротнички», подростки и даже некоторые «белые воротнички» (они, разумеется, в этом не признавались) с удовольствием читали триллеры, в то время как приличными считались только традиционные детективные истории, и только их можно было без опаски издавать. Фактически подобные истории до сих пор пишутся и издаются в Швеции. Можно назвать Яна Экстрёма, чья первая книжка вышла в 1961 году, его ближайшего конкурента Ёсту Унефэльдта (дебютировал в 1979-м), а также Кристину Аппельквист, чей первый роман вышел в 2009 году.

Первыми, кто нарушил эту традицию, были Май Шеваль и Пер Валё. Они же явились первыми после Фрэнка Хеллера детективщиками, которые стали популярны за пределами Швеции. В соавторстве они написали десять полицейских романов. Первой книгой серии под названием «История преступления» стал роман «Розанна», вышедший в 1965 году. Книга не сразу стала успешной. Критики нашли, что в романе слишком много насилия и депрессивности. Но постепенно и публика, и критики осознали, что столкнулись с уникальным литературным экспериментом, и книги стали бестселлерами. Уникальной была и политическая составляющая романов. Если раньше авторы детективов являлись консерваторами или либералами, то Шеваль и Валё не скрывали своих левых взглядов. Они сознательно добавили в свои произведения политическую идеологию. Мотивы преступлений в их романах были исключительно социальными. Преступников толкала на злые поступки среда, из которой они вышли. В последних книгах серии поднимаются такие проблемы общества, как фашистские тенденции внутри полиции, предательство рабочего класса правитель-

ством социалистов, пустота буржуазной жизни. В шведской политической жизни с середины тридцатых годов доминировала Социал-демократическая партия, членами которой были все главы правительства до 1976 года. Эта партия превратила Швецию в централизованное социалистическое государство, как и обещала в своих предвыборных заявлениях. В результате представители интеллектуальной элиты и шведская молодежь начали обвинять партию в старомодной приверженности социалистическим идеалам. В шестидесятые больше всего критиковали положение в обществе радикальные левые.

Романы Шеваль и Валё изменили отношение интеллектуалов к детективной литературе. Если раньше ее считали развлечением для буржуев, которым больше нечем заняться, то теперь обнаружили, что из детективов можно почерпнуть новые знания и политический анализ ситуации в стране. Внезапно чтение детективов превратилось в уважаемое занятие в среде левых шведов. Это произошло одновременно с приходом нового поколения шведов, выросшего не на уютных историях Агаты Кристи, а на крутых американских триллерах, купленных в киосках. Сочетание этих факторов радикально изменило положение детективной литературы в культуре.

Разумеется, традиционная литература с появлением Шеваль и Валё не исчезла. У нее были свои читатели. Одним из самых популярных авторов семидесятых и восьмидесятых являлся Бу Бальдерсон, который высмеивал шведское правительство с чисто консервативной позиции. Были и другие писатели, более талантливые, чем Бальдерсон, выбравшие для себя жанр традиционного детектива. Я назову психиатра Ульфа Дурлинга, автора шестнадцати романов, напечатанных с 1971 по 2008 год, плодовитого Жана Болиндера, выпустившего свой первый роман в 1967 году. На момент выхода последней, десятой книги Шеваль и Валё в 1975 году большинство авторов уже писали о полицейских участках, сочетая в своих книгах расследование преступления, полицейскую рутину и политическую подоплеку. К ним относятся Уно Пальмстрём, К. Арне Блум, Улоф Сведелид и знаменитый Лейф Г. В. Перссон, профессор криминологии, выпустивший три романа в 1978–1982 годах и потом триумфально вернувшийся в 2002 году с четвертым. С тех пор он написал еще шесть романов с запутанными сюжетными линиями, часто инспирированными реальными преступлениями в Швеции (его трилогия «Между жарким летом и холодной зимой», «Другие времена, другая жизнь» и «Свободное падение, как во сне» рассказывает о нераскрытом убийстве в 1986 году премьер-министра Улофа Пальме). Эти романы имеют несомненные литературные достоинства, что делает их автора одним из лучших на сегодня шведских детективщиков. Он является одним из двух писателей, трижды получивших премию за лучший роман года от Шведской ассоциации авторов детективов (другим был писатель Хокан Нессер). Перссон один из самых влиятельных шведских авторов на сегодняшний день. Это он задает тон социальной критике в криминальной литературе. Он продолжает заниматься криминалистикой, является советником МВД, правительства и министерств, что придает дополнительный вес его романам, в которых открыто критикуется неэффективная работа шведской полиции и несовершенства судебной системы и исполнительной власти. Перссон считает, что представители власти сегодня озабочены не благополучием общества, а собственными привилегиями.

Критические взгляды Перссона разделяли и журналист Кристер Даль, писавший под псевдонимом Кеннет Аль, и писатель и актер Лассе Стрёмстедт, восемь лет проведенный в тюрьме. Вместе они написали семь романов в период с 1974 по 1991 год. В них много информации о тюремном быте, жестоком обращении полицейских, торговле наркотиками и других особенностях темной стороны жизни. Критиковал общественное устройство и уже упомянутый мной Уно Пальмстрём, начинавший как журналист. В своих девяти книгах (1976–1990) он подвергал сомнению устои шведского общества. По его мнению, Швеция представляла собой в те годы государство, в котором всем заправляли продажные политики:

они угнетали народ, чтобы жить лучше самим. Юрист и натуралист Стаффан Вестерлунд написал ряд романов, главной темой которых являлось отсутствие гуманизма в мире большого бизнеса и большой политики. Его занимали вопросы злоупотребления властью среди шведских чиновников и безразличное отношение к индивиду со стороны химических, медицинских и энергетических корпораций, ставящих прибыль превыше всего. К началу девяностых годов социально-критические тенденции прочно укрепились в литературе, привлекая к себе все новых авторов. Журналист Гуннар Орландер написал свой первый триллер в 1990 году и сразу получил премию за лучший детектив года. Первый роман Хеннинга Манкелля вышел в 1991 году. Эти писатели серьезно подняли в своих произведениях вопросы расизма и антииммиграционных настроений шведского общества.

Когда в 2008 году триллеры Стига Ларссона перевели на английский язык, критики и читатели удивились, найдя в них негативное описание жизни в благополучной социалистической Швеции. Государство у Стига Ларссона жертвует правами, свободами и жизнью своих граждан ради сохранения власти и привилегий. Читатели в США и Америке не были готовы к такой картине. Они представляли современную Швецию богатой, благополучной страной, славящейся своей открытостью, толерантностью и эмпатией. На самом деле Стиг Ларссон продолжает традиции Шеваль и Валё, которые начали критиковать шведское общество еще сорок лет назад. Можно сказать, что социальная критика – это характерная черта большинства шведских детективов на протяжении почти полувека. Мы уже затронули причины, по которым многие шведские авторы детективов выражали левые политические взгляды. Май Шеваль и Пер Валё первыми отказались от идеи классического детектива и выбрали реалистический подход к совершению и раскрытию преступления в своих книгах. Они делали своими рассказчиками отбросы общества. Они критиковали неэффективную работу полиции. Они обвиняли в коррупционных связях судей и политиков. Они исследовали социальные и экономические причины преступлений. Все это сделало их книги желанным чтением для интеллектуальной элиты, симпатизирующей левым. У шведского непереводного детектива появился новый читатель.

Произошло это одновременно с радикализацией шведской политики. В 1968 году по Европе прокатились молодежные волнения, эхо которых дошло и до Швеции. Движение против войны во Вьетнаме объединило в своих рядах различные радикальные группы – марксистов-ленинистов, маоистов и немногих, но весьма влиятельных троцкистов. Лидирующие позиции в антивоенном движении заняли маоисты и троцкисты. Им удалось завладеть умами целого поколения шведских студентов. Они поощряли членов движения выбирать профессии, которые позволяли бы влиять на других людей. Студенты становились актерами, учителями, социальными работниками, а также писателями и журналистами. Недаром Стокгольмскую школу журналистики прозвали «Школой коммунизма». Многие пошли по следам Шеваль и Валё и начали выражать свои взгляды в книгах. Из радикальных групп 60–70-х годов вышел ряд известных шведских писателей. Стиг Ларссон был троцкистом. Хеннинг Манкелль – маоистом, как и Гуннар Орландер. Эти трое открыто заявляли о своих взглядах, поэтому я могу привести в пример только их, хотя и у других писателей взгляды легко читаются. Позвольте пояснить, что моей целью не является раскрыть вам политические пристрастия шведских писателей. Я лишь хочу рассказать, в каком направлении развивалась шведская детективная литература. Эти авторы в 60–70-е годы выработали принципиальное отношение к обществу и диалектическую манеру изложения. Для них было естественно мотивировать индивидуальные поступки социальными, политическими и экономическими факторами. У меня нет никаких сомнений в том, что социальная критика проявилась бы в литературе, придерживаясь шведские писатели столь же сильных либеральных или либертарианских взглядов, но они редко встречаются в шведском политическом дискурсе. С дру-

гой стороны, существует много примеров консервативно настроенных авторов, критикующих в своих романах шведское общество.

* * *

К середине девяностых на авансцену вышли представители нового поколения шведских детективщиков: Хеннинг Манкелль, Хокан Нессер и Оке Эдвардссон. Нессер и Эдвардссон в какой-то степени отошли от традиций соцреализма. Первый выбрал местом действия для своих романов выдуманный город Маардам в неназванной европейской стране, напоминающей сразу Швецию, Германию, Польшу и Голландию. Его больше интересовала психология персонажей, особенно протагониста Ван Веетерена, нежели реалистичность описаний. В большинстве детективов Эдвардссона действует гётеборгский инспектор полиции Эрик Винтер, но автора больше занимают экзистенциальные вопросы и психологические проблемы, чем криминальная ситуация в городе. Эти писатели подняли шведский детектив на новый литературный уровень. Детективы стали восприниматься как качественная литература, занимающая важное место в культурной жизни Швеции.

Но вы наверняка заметили, что в списке не хватает женских имен. За исключением психиатра Осы Нильссон, все известные детективщики тех лет были мужчинами. Ситуация в корне изменилась в конце девяностых, когда начали печататься Ингер Фриманссон, Лиза Марклунд, Хелен Турстен и Айно Тросель. Они оказались глотком свежего воздуха, которого так не хватало шведской детективной литературе, и привнесли в нее новые формы, приемы и поджанры. Фриманссон создавала психологические триллеры с общими героями. Марклунд сосредоточилась на журналистских расследованиях, сделав героиней своих романов журналистку Аннику Бенгтссон. Айно Тросель выбирала себе в герои романов личностей отнюдь не героического плана. Ее произведения очень близки к пролетарской литературе. Из всех четверых только Хелен Турстен, медсестра и дантист, выбрала себе в героини офицера полиции детектива Ирен Хусс из Гётеборга.

Несмотря на это, жанр полицейского детектива процветает в Швеции. В этом жанре, например, работает Арне Даль (псевдоним Ян Арнольд), придумавший фиктивное «подразделение А», специализирующееся на раскрытии международных преступлений с применением насилия. Он посвятил этому подразделению одиннадцать романов, а с 2011 года начал писать про «Опкоп», фиктивную тайную организацию внутри Интерпола. Другим выдающимся представителем этого субжанра считается Анна Янссон, написавшая свой первый роман о полицейском Марии Верн в 2000 году. Монса Каллентофта с его гениальным инспектором полиции и по совместительству алкоголички с психическими проблемами Малин Форс тоже можно отнести к этой категории. Сюда же можно причислить Карин Герхардсен, действие романов которой развивается в полицейском участке в Хаммарбю на юге Стокгольма, и Кристину Ульссон, написавшую свой роман о Фредерике Берман и Алексе Рехте в 2009 году. Но сегодня наиболее популярные шведские детективщики отходят от поджанра полицейского детектива. Я говорю, например, о Камилле Лэкберг, опубликовавшей первый роман о писательнице Эрике Фальк и ее друге, полицейском Патрике Хедстрёме, в 2003 году. Она мгновенно приобрела популярность. В романах Лэкберг и ее подражателей много внимания уделяется частной жизни героев и их взаимоотношениям, а преступление скорее является фоном или цепью, соединяющей вместе звенья разных историй. Эти произведения можно назвать гибридом между женскими романами и детективами. В какой-то степени они возвращают нас к романам Марии Ланг пятидесятых годов, но, разумеется, в современных книгах больше реализма. Подобная манера характерна для Мари Юнгстедт, Вивеки Стен и Юнаса Мустрёма.

И сегодня шведские авторы выбирают себе в герои юристов. Оса Ларссон выпустила свой первый триллер о Ребекке Мартинссон в 2003 году, и его сразу признали лучшим дебютом года. Две другие ее книги выиграли премии Шведской детективной академии в номинации «Лучший детектив года». В ее романах большую роль играют религиозные и психологические конфликты на фоне региональных традиций и верований. Творчество Осы Ларссон считается одним из самых оригинальных в современной шведской литературе. Бывший юрист Малин Перссон Джолито, дочь ранее упомянутого Лейфа Перссона, тоже не упускает шанса покритиковать юридическую систему Швеции. Она выпустила свой первый роман в 2012 году. Я бы хотел также выделить Андерса Рослунда и Бёрье Хелльстрёма – авторский дуэт, работающий вместе с 2004 года. Рослунд – журналист и бывший криминальный телерепортер; Хелльстрём – бывший преступник, помогающий бывшим заключенным адаптироваться к жизни на воле. Их произведения близки социально-критическим, в них действуют полицейские, но от других подобных книг их отличают высокий уровень писательского мастерства, разнообразие поднимаемых тем и смелость авторского вымысла. Авторы экспериментируют с сюжетами, формой, атмосферой и стилем в своих книгах.

В 2005 году вышел первый роман Стига Ларссона, и к моменту появления второй книги трилогии (2006) он уже стал бестселлером. На рубеже веков шведская детективная литература процветала, удивляя разнообразием писателей и поджанров. Это уже были не просто мужские романы о мужчинах, написанные мужчинами. После успеха Стига Ларссона появилось еще больше шведских детективов и триллеров. В год выходило около 120 книг. У этого успеха есть и темная сторона. По мере развития триумфа шведских детективов стали меньше переводить иностранные книги. В результате шведские читатели лишились возможности знакомиться с новинками зарубежной криминальной литературы, а шведские писатели, не говорящие по-английски, – источник новых тем, идей и вдохновения. С другой стороны, можно смело утверждать, что романы Стига Ларссона также повлекли за собой радикальные изменения в писательской манере шведских детективщиков.

С начала двадцатого века шведские писатели и читатели придерживались убеждения, что качественная серьезная литература должна соответствовать нескольким критериям. Она должна быть реалистичной и поднимать серьезные социальные и психологические вопросы. Портреты и описания следует выполнять в сдержанной манере. Этот подход распространился и на «качественную» развлекательную литературу, а все книги, не отвечающие этим критериям, оказались вне литературного поля по причине их недостаточной реалистичности. Возможно, именно по этой причине научно-фантастическому жанру не удалось закрепиться в Швеции. Поскольку в произведениях данного жанра не существовало привязки к «здесь и сейчас», их сразу же отнесли к эскапистской литературе, которую никогда не считали достойной внимания. Разумеется, эти критерии ограничивали свободу писателя. В мире, где царят реализм и социальная ответственность, нет места безудержной фантазии, способной сотворить злодеев наподобие Ганнибала Лектера, героев вроде Джека Ричера или сюжетов, как у Микки Спиллейна. Потребовался такой «нешведский» писатель, как Стиг Ларссон, которому не было дела до шведских литературных традиций, который зачитывался американской и британской научной фантастикой, а также детективной литературой. Потребовался и такой «нешведский» триллер с откровенными сценами секса и насилия, нетипичными героями и нереальным сюжетом, как «Девушка с татуировкой дракона», чтобы совершить революцию в жанре детектива. Оглушительный успех трилогии «Миллениум» привел к тому, что другие писатели освободились от запретов прошлых лет, царивших в шведской литературе на протяжении почти всего двадцатого века. Реализм, как и модернизм, когда-то стал реакцией на классическую литературу с ее линейной сюжетной структурой, морализмом, героизмом и романтизмом, которые в начале века стали казаться старомодными и не вписывающимися в космополитичную жизнь современ-

ных городов. В результате в последние годы в шведской криминальной литературе появились новые яркие имена.

Карин Альфредссон и Катарина Веннстам выпустили свои романы в 2006 и 2007 годах. Они пишут о притеснении женщин мужчинами, о гомофобии, то есть на темы, близкие творчеству Стига Ларссона. Главная героиня Альфредссон, врач-терапевт Эллен Эльг, сталкивается с разными женщинами, которые оказались в ужасном положении. Веннстам поднимает в своих романах вопросы торговли людьми, домашнего насилия, сексуальных домогательств и гомофобии в различных сферах – от спортивного и кинобизнеса до полиции. Адвокат Йенс Лapidус, пишущий с 2006 года, по духу и стилю близок Джеймсу Элрою. В своих триллерах он показывает, как бесчинствуют разбойные банды в пригородах Стокгольма и как процветает коррупция в чиновничьей среде. Юхан Теорин, выпустивший свой первый триллер в 2007 году, несомненно, обладает большим литературным талантом. В его произведениях детективная линия сочетается с элементами фэнтези, сказки и романа ужасов. В том же году дебютировал Даг Эрлунд. Вдохновленный американскими писателями, он использует в своих триллерах много насилия. Именно он создал в шведской детективной литературе первого серийного убийцу с блестящими умственными способностями. Начиная с 2009 года Ларс Кеплер – творческий союз Александры и Александра Андориль – пишет динамичные атмосферные триллеры с эпическими злодеями и героями. Книги эксперта по вопросам безопасности Андерса де ла Мотта, начиная с романа «Игра», вышедшего в 2010 году, характеризуются запутанными сюжетными линиями и асоциальным компьютерным гением, способным преступить закон, в роли главного героя. Все это совершенно нетипично для традиционных шведских детективов. Хокан Аксландер Сундквист и Йеркер Эрикссон дебютировали в 2010 году под псевдонимом Эрик Аксуль Сунд с произведением, в котором в трех томах рассказывается завораживающая история безумства, мести и психоанализа. В шведской детективной литературе эта трилогия сегодня занимает одно из центральных мест. Разрушает многолетние устои в своих произведениях и многообещающий молодой автор Кристофер Карлссон, поклонник нуара. Рольф и Силла Бёрлинд, которые дебютировали в 2012 году, идут по стопам Стига Ларссона, выбирая для своих атмосферных триллеров неординарных персонажей. Они экспериментируют с формой, пародируют традиционные детективы, нарушают условности.

Свобода от условностей привела к тому, что шведская детективная литература сегодня представляет собой целую палитру тем, стилей и элементов, находящих отклик в сердцах читателей. Она оказалась на очень любопытном этапе своего развития. Конечно, присутствует в шведском детективе и некоторая хаотичность, но она лишь делает процесс знакомства увлекательнее. Снова возникли вечные вопросы – насколько откровенными могут быть сцены насилия, убийства или секса в литературе; до какой степени допускаются эксперименты со стилем; насколько должна книга соответствовать жанровым нормам; допускается ли смешение жанров в одном произведении. Все эти вопросы приводят к горячим дискуссиям, в том числе и в жюри Шведской детективной академии. Но, несмотря на все споры и на то, что детективная литература в Швеции и других странах сегодня по большей части вписывается в жанровые рамки, будущее детектива в Швеции выглядит оптимистично. И я смею надеяться, что детективный жанр по-прежнему будет привлекать к себе молодых талантливых и оригинальных авторов, которые поспособствуют его развитию и совершенствованию.

На этой оптимистической ноте я хочу закончить мою статью. На следующих страницах вы сможете познакомиться с произведениями как тех авторов, что сформировали шведскую детективную литературу сегодня, так и тех, кто будет формировать ее в будущем. Я надеюсь, знакомство окажется приятным и вы получите удовольствие от чтения собранных в этой книге рассказов.

Джон-Генри Хольмберг
Викен, июль 2013

Тове Альстердаль Встреча одноклассников

До того как вышла ее первая книга в 2009 году, Тове Альстердаль работала журналистом и сценаристом. Как и другие писатели, она пробовала себя в разных ипостасях. Тове родилась в Мальмё, жила в Стокгольме, но ее корни уходят на север Швеции, в Торнедален, на границе с Финляндией, за пределами полярного круга. Там родилась и выросла ее мать, и там Тове Альстердаль проводит каждое лето. В этих местах развивается действие ее последнего романа «Погребенные в молчании» – претендента на лучший триллер года. Тове ухаживала за лошадьми в музее на открытом воздухе Скансен, работала сиделкой в больнице для душевнобольных и репортером на радио и ТВ, писала сценарии для сериалов и компьютерных игр, театральных пьес и создавала оперные либретто. Она выступала редактором триллеров своей близкой подруги Лизы Марклунд. Ее произведения отличаются психологизмом и реалистичностью. Но есть в них место и мистике. Мистика – одна из сильных сторон писательницы, но Тове Альстердаль всегда оставляет выбор за читателем – как интерпретировать загадочные события в ее романах. Так обстоит дело и с этим рассказом о встрече школьных друзей.

Она выходит из машины и неспешно идет к озеру. Озеро словно притягивает к себе. Дорога извивается между берез, постепенно превращаясь в тропинку. Кажется, что она проваливается обратно во времени. То же озеро. То же время года – лето, как и тогда. Накануне дня середины лета. Земля еще не успела нагреться. Листья свежие и блестящие. Вода такая же темная, как в кошмарах, преследующих ее с того лета. Кошмары снились не каждую ночь. Бывало, что она в течение нескольких недель и даже лет спала нормально – например, когда Лизетт была совсем маленькой.

– Боже мой! Сколько лет, сколько зим... Марина! Пия! Агге!

Еще два автомобиля припарковались рядом с ее машиной. Женщины кричат так, что распугали всех птиц. Те поднялись с ветвей и улетели подальше в лес. Она выдавила улыбку.

– Йойо, это действительно ты? – Марина бросается ее обнимать. Оторвавшись, разглядывает лицо. – Ты совсем не изменилась! Такая же, как раньше!

Марина возвращается к остальным. Они выгружают корзинки и пакеты с едой из машины.

– Вы видели, кто уже тут? Юханна! – Все смеются, кричат, обнимаются, твердят, что ничуть не изменились со школьных лет и как прекрасно снова увидеться тридцать лет спустя. – Нет-нет, ты выглядишь на двадцать пять. И ты тоже!

Смеются беспрестанно. Все вызывает у них смех. И подходя к скаутской избушке, она думает: «Как хорошо, что я согласилась приехать, что не пошла на поводу у желания спрятаться». Она снова чувствует тепло, о котором давно забыла. Женщины знают друг друга с детства. Тридцати лет как не бывало, когда они начинают вспоминать, кто у кого ночевал в детстве. Юханна разглядывает школьных подруг, гадая, чья это была идея встретиться. Почему-то ей кажется, что инициатор – Марина. Ее родители работают в лагере для скаутов, которым принадлежат эти домики в лесу. У Марины черные как смоль волосы, которые ей наверняка приходится подкрашивать. Несколько седых прядей в волосах делают ее лишь моложе и красивее.

– У тебя с собой нет спальника, Йойо? – спрашивает Агге. Другие уже разложили вещи для сна.

– Нет, я вообще-то не собиралась....

Она чувствует на себе их взгляды. Давно уже ее никто не называл Йойо.

– Мне надо рано вставать и....

– Как это ты не останешься на ночь? В этом же весь прикол! – Тон Агге не оставляет места возражениям. Она стала на тридцать кило тяжелее, но это только придало ей еще больше авторитета. Спорить с Агге бесполезно.

– У меня в машине есть одеяла, – заявляет она.

Юханна кивает. Зачем она только согласилась тогда... Первое, что ей хотелось сделать, увидев приглашение в электронной почте, это закричать: «Нет!» И все-таки она согласилась... Но кто прислал приглашение?

Пия уже поставила кофе. Как и прежде, она говорит мало, но по делу и всегда оказывается в центре внимания. Пия просто красавица. Даже морщинки от смеха вокруг глаз добавляют ей привлекательности.

– А теперь шампанское, – объявляет Агге.

Пробка летит в небо.

Костер разгорается. Настоящий лагерный костер. Пламя освещает лица. Летние сумерки синие и прозрачные. Они укутываются потеплее. Спиртное течет рекой. Она пьет слишком много. Марина предлагает «тостовать» каждую по кругу. Они пьют за новую руководящую должность Марины, за новую любовь Пии и то, что ей сделали предложение, за то, что Марина пробежала марафон, и за то, что Агге выучилась на ландшафтного дизайнера – наконец-то сбылась ее мечта. Выпьем за мечты. Марина замужем восемнадцать лет и все еще влюблена в своего мужа – выпьем! Пия сделала себе новую грудь – выпьем за это! Все дети хорошо устроились – выпьем! А старший сын Агге включен в молодежную сборную страны по плаванию!

– Ну, давай же, Йойо!

Не стоило сюда ехать. Ей нечем похвастаться перед одноклассниками. Она смогла предложить только один тост – за то, что ее дочь Лизетт нашла работу после гимназии, – и сказала, что ей нужно в туалет. Теперь за домиками стоят туалеты, но она сделала по старинке – спряталась за деревом. Писая, намочила туфли. Сквозь ветви виднеются пламя костра и силуэты одноклассниц.

За что ей еще было пить? За то, что она развелась, но никого больше не встретила? Или за то, что в квартире пусто и одиноко без Лизетт? Что она боится знакомиться в Интернете, поскольку не хочет, чтобы люди видели, в каком она положении, не хочет хватать первое попавшееся, как это делают другие отчаявшиеся? И да, ей известно, что тысячи людей находят любовь в Интернете, так что это она неудачница. Это она опоздала на последний автобус и осталась стоять одна на холоде. Выпьем за это. Она не спит по ночам. На работе сокращения, неизвестно, кого уволят. И здоровье уже не то. Время бежит. Выпьем за это.

Надев штаны, она слышит хруст веток. Он доносится со стороны озера. Она застывает на месте. Видит какую-то тень между деревьев. Внезапно раздается голос, и она холодеет:

– Вы мне еды оставили?

На берегу она видит фигурку. Хрупкую, маленькую, со спутанными светлыми волосами. В зеленой кофте.

– Что это? – смеется Лиллис. Лицо у нее очень бледное. Ей всегда нравилось играть с жизнью и смертью.

– Ты думала, я не приду?

«Я сплю и вижу сон, – думает Юханна. – Я напилась. Это не может быть та же кофта».

– Не хочешь разговаривать? – Фигура приближается к ней, склоняет голову набок. – А я думала, мы друзья...

Юханна делает шаг назад.

– Мне надо обратно к остальным, – говорит она и со всех ног бежит обратно к костру, не обращая внимания на ветки, бьющие по лицу. Она бежит, не оборачиваясь. Только присев у костра, поворачивается и смотрит в глубь леса. Другие тоже оглядываются.

– Что за... Лиллис! Я не знала... Кто пригласил Лиллис? Почему вы молчали?

Юханна не понимает, что спрашивают в первую очередь ее. Женщина приближается. На лице ее улыбка. Все поднимаются. Юханна чувствует, что тоже должна. Быстрое объятие. Лиллис такая худая. Темнеет.

– Как здорово, что ты пришла!

– Почему ты пропала? Мы ничего не слышали о тебе после гимназии.

Сквозь туман она слышит, как они пьют за Лиллис. И только сейчас видит, как сильно они постарели. Кожа висит складками. Старение оставило свои следы даже на безупречном лице Марины. Видно, что все они красят волосы. Только одна Лиллис все еще молода и красива, и кожа ее гладкая, как у ребенка... Как ей это удается?

– Ты совсем не изменилась! – восхищается Агге. – За это надо выпить!

Юханна видит, как шевелятся их рты. Бледное лицо Лиллис светится в темноте. Костер давно погас. Стало холодно. Разве они не понимают, что что-то тут не так?

Лиллис была ее лучшей подругой. Но недолго. Свершилось чудо, и кто-то заметил Юханну и захотел с ней дружить. Лиллис всегда была в центре внимания. Все хотели с нею дружить – и парни, и девчонки. Она была центром планетной системы. Все вращалось вокруг нее. А Юханна была невзрачной планеткой на краю Солнечной системы. Она понимала, что зачем-то нужна Лиллис. Юханна никогда ни с кем не соперничала, только подражала. Первая сигарета, первая пьянка, первые поцелуи, пока Юханна стояла на стрёме, а Лиллис развлекалась в палатке... Юханна не завидовала. Она была счастлива просто услышать рассказ об этом.

Ей хочется заорать, но она не может. Тридцать лет она молчала, и еще не пришло время нарушить это молчание. Но так и подмывает сказать: «Вы что, не видите, не понимаете?» Она больно щиплет себя за руку. Нет, это не кошмар, это происходит наяву. У Лиллис светло-голубые лукавые глаза. Она беззвучно говорит ей через потухший ковер:

– Тебя нет. Ты мертва.

Нет, она больше не в силах сидеть тут, чувствуя, как ее засасывает в синюю глубину глаз Лиллис. Юханна встает и направляется к озеру...

– *Об этом озере есть легенда. Ты ее слышала?*

Это голос Лиллис. Они ушли гулять на пляж, подальше от толпы. Лиллис надоело смотреть, как Марина и Пия соперничают. Юханна считала, что это из-за того, что Лиллис сама видела в них соперниц, но держала свои мысли при себе. Им было по шестнадцать лет. Они собирались провести все выходные в скаутских домиках. Марина позвала парней, чтобы устроить вечеринку.

– *Пойдем купаться! Ну, давай же! Проверим, правду ли говорят легенды о Верхнем озере. Что оно бездонное и что там есть место, где живут утопленники. Говорят, если нырнуть достаточно глубоко, можно почувствовать их волосы. Они добровольно ушли из жизни и потому не могут обрести покой. Все эти самоубийцы – женщины, отчаявшиеся, несчастные. Мужчины стреляются, а женщины топят. Так было всегда. Это их волосы ты почувствуешь в воде, если заплывешь далеко.*

Лиллис сбрасывает одежду и идет к воде. Юханна следует ее примеру. Чем опаснее выходные Лиллис, тем интереснее жизнь – и тем крепче их дружба. Они играют со смертью. Душат друг друга, топят игрушки. Это как наркотик. Они играют так каждый день. Юханне страшно каждый раз, когда она сжимает горло подруги, но все равно продолжает сжимать,

пока та не перестанет дышать, не выпучит глаза. И когда ее душат, она не просит о пощаде, а ждет, когда запульсирует в висках, когда потемнеет в глазах, зашумит в ушах и все исчезнет. Это не опасно, говорит Лиллис. Надо только вовремя разжать руки.

В жизни каждого человека наступает момент, когда надо решить, с кем ты – с мертвыми или с живыми. И вовремя разжать руки. Иначе будет слишком поздно.

Она видит в воде перед собою Лиллис. Они почти на середине озера. Прохладная вода ласкает обнаженную кожу. Она так остро чувствует это мгновение. Что, если какой-нибудь мальчик видит их купающимися голышом? Эта мысль возбуждает. Но ей немного стыдно. Лиллис уже далеко впереди. Она плавает быстро, несмотря на свою хрупкость. Между ними нет ничего сексуального, убеждает себя Юханна, хотя, когда они с Лиллис лежат в обнимку на диване, ее посещают нескромные мысли. Но Юханна уверена, что Лиллис ничего такого не думает. Она просто импульсивная и доверчивая, как щенок. Но сейчас они совсем одни в озере. И им не нужно ни о ком думать.

Прежде чем выбрать жизнь или смерть, нужно узнать, что такое смерть. Чтобы не стать ее безвольной жертвой.

Она замечает, что что-то не так, только когда видит перед собой одну водяную гладь. Ты издеваешься, думает Юханна, плывя туда, где только что виднелась голова Лиллис. Она плавает кругами. Где ты, черт побери? Она ныряет под воду, но там темно и ничего не видно. Вокруг только вода. Юханна впадает в панику. И тут она чувствует, как что-то касается ее ног, обвивает их. Ее охватывает страх. Она рвется вверх, на поверхность, пинает и толкает то, что удерживает ее там, внизу. Нога касается чего-то твердого, перед глазами встают картины утопленников на дне озера, с волосами, похожими на змей, хватающих за ноги. Они тянут ее на дно, она машет руками, отталкивается ногами, воздух заканчивается. Вверх, нужно вверх, прочь отсюда. Только добравшись до берега, она позволяет себе вздохнуть. Выйдя из воды, смотрит на темную гладь. Ее трясет так, что невозможно надеть одежду. Рядом на траве лежат вещи Лиллис.

Время останавливается. Наконец она поднимается и идет к остальным.

– Вы купались? Где Лиллис?

Юханна не знает, почему лжет. Она хочет рассказать правду, что Лиллис заплывла слишком далеко и исчезла. Но тогда придется рассказать и остальное – что она там была, что впадала в панику, что испугалась покойников. Как можно рассказать такое? Как можно рассказать, что ее ноги задели что-то твердое и одновременно мягкое и она боится даже подумать о том, что это могло быть. Лиллис ведь только хотела ее напугать, такой у нее был план. Все эти истории про утопленниц с длинными волосами. Лиллис всегда нравилось плавать под водой в бассейне.

– Она ушла. Наверное, обиделась на что-то.

Утром она вернулась на пляж, забрала одежду Лиллис и закопала. Она плакала, пока копала. Слишком поздно было раскрывать правду. Осенью все разъехались по разным городам. Марина пошла в городскую гимназию. Кто-то поступил в колледж. Юханна поступила в техникум в Онгерманланде и бросила через полтора года. Отец Лиллис сильно пил и особенно не переживал об исчезновении дочери. Никто ее не искал. Полиция однажды приезжала, задавала вопросы. Юханна рассказала, в чем была Лиллис, когда она видела ее в последний раз. Зеленая ангорова кофта (украденная из H&M). Полицейские решили, что она сбежала из дома. У нее были на то все причины.

Одинокое дерево на краю опушки. Юханна сразу узнала место и начала рыть землю прямо руками. Осталось ли что-то от ткани после тридцати лет в земле? А от кроссовок? Она роет и роет, но ничего не видно. Может, не то дерево? Может, не тот пляж? Лес мог сильно измениться за тридцать лет. Лиллис следит за ней из-за деревьев. Юханна чувствует ее присутствие, но боится обернуться.

– *У нас был пакт, Юханна. Ты обещала хранить секрет, ты забыла, Юханна?*

У нее все руки по локоть в земле.

Вот почему она идет к воде, на ходу сбрасывая туфли. Наклоняясь, чтобы помыть руки, видит в воде свое отражение. На нее смотрит взрослое «я». Но в душе ей всегда шестнадцать, годы изменили только внешность. Внезапно облако закрывает луну, и ее взрослое «я» исчезает. Нет, не исчезает... Вон оно плывет в воде, прямо в одежде. Она уже почти на середине озера, поскольку чувствует, что это необходимо. Плывет, зажмурившись, сама не зная, откуда берутся силы. Тяжелая одежда и жир вокруг бедер и живота тянут ее вниз. Плывать тяжело. На середине озера она замирает и озирается по сторонам. Это здесь, точно здесь. Юханна ныряет под воду, как можно глубже, открывает глаза, протягивает вперед руки. Что-то мягкое, скользкое, в ушах раздается шепот: *«Есть мгновение... быть с живыми или мертвыми...»* Волосы спутывают ей члены, тянут вниз, в темноту, где нет света и страха, только тихий шепот. Неужели так выглядит смерть? Она погружается все глубже. «Отпусти меня, – хочется ей закричать. – Я не хочу умирать!» *«Ты это называешь жизнью?»* – шепчет голос. – *Тебе кажется, что ты живешь?»* Воздуха не хватает, перед глазами вспыхивают белые точки. Это лицо Лиллис она видит перед собой? Или кого-то другого? Нет, она видит себя. Это она в шестнадцать лет, готовая на все, лишь бы не быть одной. «Нет, – хочет она закричать, – НЕ НА ВСЁ», – но воздуха не хватает, и вода не пропускает звуки. Юханна пытается сбросить волосы, опутавшие ей ноги, пинается, отталкивается, и вот она уже на поверхности, вдыхает холодный свежий воздух. Вместе с кислородом к ней приходит ясность. Что, черт побери, она делает в озере? Она изо всех сил плывет к берегу и, запыхавшись, падает на песок. Распутывает водоросли, намотавшиеся на пальцы. «Лизетт, – думает она, – я нужна Лизетт», – хоть никогда и не признается в этом.

– Ты с ума сошла? Купаться прямо в одежде?

Пия смывает макияж. Косметика у нее дорогая. Агге уже похрапывает. Юханна оглядывает скаутский домик. Зеленой кофты не видно.

– Я думала о Лиллис, – произносит она. – Мне показалось, что я ее видела.

– Ты перепила. Никто не видел ее с тех пор, как она сбежала из дома. Я вообще не понимаю, чего ты с нею носилась... Хочешь чаю?

Юханна находит шаль и вытирается. Они присаживаются с чашкой чая. «Водоросли, – думает она, – там, в озере, есть только водоросли и больше ничего». В голове проясняется. Подруги одолжили ей сухую одежду.

– Что ты имеешь в виду под словом «носились»?

– Ты же была такая клевая, такая умная. Тебе не нужно было выпендриваться или изображать из себя что-то. Я тобою восхищалась. А Лиллис тебя просто использовала.

Юханна переводит взгляд с одной на другую.

Неужели они видели ее такой? Эта мысль кажется невероятной.

Она заворачивается в покрывало, одолженное у Агге.

– Вы знаете, у костра... – говорит Юханна, – мне нечего было вам рассказать. У меня все хорошо. Но в моей жизни нет ничего особенного.

– Разве этого мало?

– Выпьем! – говорит Марина, поднимая чашку с чаем.

Юханна не в силах сдержать обжигающих слез. Всклипывая, трет глаза, но слезы не унимаются. И внезапно она перестает помнить, что в ее жизни не так. Все это ей приснилось. Это кошмар. Не надо было столько пить. Пия обнимает ее, и Юханна понемногу успокаивается. Светает. Марина рассказывает о том, как неуверена в себе и как боится, что не справится с обязанностями начальника. Пия признается, что не знает, любит ли она своего жениха. Под утро все засыпают.

На следующий день они прощаются перед домиком.

– Спасибо, что ты нас всех собрала, – благодарит Юханна Марину. В ярком солнечном свете все ночные кошмары растворяются.

– Как это я? Это же ты нас всех пригласила.

Все переглядываются.

– Мы еще сомневались, но потом подумали, почему бы и нет – сбежать от мужей и детей на денек...

Над озером еще висит последний туман. Марина достает телефон:

– Тут же написано, что это ты организовала мероприятие... Ты хорошо себя чувствуешь?

Юханна вырывает у нее из рук мобильный. Группу в «Фейсбуке» она узнает сразу – «Вернемся на Верхнее озеро». В верхнем правом углу значится, что ее создатель – Юханна.

Во рту появляется вкус озерной воды. Этого не может быть. Юханна не была на «Фейсбуке» уже полгода. Она так и не разобралась, для чего этот сайт. А когда нашла приглашение в своем почтовом ящике, то не стала проверять, кто его отправил. Онемевшей рукой она возвращает мобильный Марине.

– Это надо повторить, – предлагает Агге.

– В то же время в следующем году?

– Конечно.

Она провожает подруг взглядом. Вспоминает ночные события. Озеро приобрело бледно-голубой цвет. Ветра нет. В воде, как в зеркале, отражаются деревья.

– Есть и другая легенда о Верхнем озере, – говорит она вслух. – Ты ее слышала? Она о тех, кто хочет выжить, несмотря ни на что.

Садясь в машину, Юханна чувствует внезапный холод.словно ледяной ветер обжигает ей щеку и затылок. Но листва неподвижна.

Тове Альстердаль (р. 1960) – журналист и сценарист. Она долгое время жила в Умео и Лулео на севере Швеции, сейчас проживает в Стокгольме. Писала для театра и радио. Также являлась автором оперных либретто и, совместно с Хеленой Бергстрём, сценария к фильму «Такие разные». Ее первый роман «Женичины на берегу» вышел в 2009 году, второй «Погребенные в молчании» – в 2012-м. Они принесли ей известность и репутацию автора атмосферных романов с тонким психологизмом.

Рольф и Силла Бёрлинд Он любил свои волосы

Ни одним другим из ныне живущих шведских детективщиков не удалось приобрести такую обширную аудиторию преданных поклонников, как Рольфу и Силле Бёрлинд, которые вот уже более десяти лет пишут вместе. И это несмотря на то, что их первый триллер «Прилив» вышел в 2012 году. Дело все в том, что эти супруги – самые плодовитые шведские сценаристы. Они написали сценарии более чем к пятидесяти полнометражным фильмам, в основном телевизионным. Большинство из них о преступлениях. Они написали сценарии к двадцати шести фильмам про Мартина Бека по мотивам детективов Май Шеваль и Пера Валё, один сценарий к фильму по книге Хеннинга Манкелля и пять по книгам Арне Даля. Они также являются авторами сериалов, таких как «Возвращение танцмейстера», «Ворон!», популярных и в Швеции, и за границей. Рольф Бёрлинд также известен как юморист и сатирик. К написанию детективов супруги обратились недавно, но уже первый их триллер поразил читателей совершенством формы и талантом авторов. Права на его издание были приобретены в двадцати странах. Вторым романом, «Третий голос», вышел в 2013 году. Это их первый короткий рассказ. Для нас большая честь представить его читателям на страницах нашего сборника.

У него еще было время. Он мерил шагами крохотную, скупо обставленную комнату, являвшуюся его домом. Впрочем, слово «дом» он никогда не использовал. Для него это была просто комната, пространство. Здесь были диван и стол. На подоконнике – миниатюрная модель Дакота-хаус¹. Ковра в комнате не было. А зеркало у двери в кухню висело слишком низко. Но это не он его туда повесил. Поэтому приходилось нагибаться, чтобы увидеть в зеркале рот. Но все, что он видел, – это мертвую плоть. Он не испытывал никаких эмоций по отношению к своему лицу. Смотрясь в зеркало, он словно видел там незнакомца со странно изогнутым носом.

Единственное, что он считал своим, это волосы. Темные, вьющиеся, они напоминали ему о матери, женщине без рук. У нее тоже были темные вьющиеся волосы. Ее смех, когда она узнала новости, только его он и помнил. Воспоминания сокращали ожидание.

Воспоминания и шаги.

Судя по всему, он был ночным созданием. Его биологические часы подразумевали пик активности ночью. В темноте его никто не видел и он не видел никого. Ему не нужно было ни о ком и ни о чем думать, когда он перемещался по городу.

Этим он часто занимался по ночам – ходил из одной части города в другую и обратно – новым путем. Всегда с одной и той же целью. Хождение отнимало силы и время, позволяя забыться сном на рассвете.

Это было самое главное.

Днем он спал и просыпался только в сумерках. Но иногда вставал посреди дня и уже не мог заснуть из-за света.

Ему нужно было то, что вернуло бы его в темноту. То, что у него отняли. То, что надо вернуть.

Любой ценой.

Он начал мерить комнату шагами – от стены до стены и назад. Он не знал, сколько так проходил. Часов у него не было. Тело само подсказывало, когда можно было остановиться

¹ Дакота-хаус – знаменитое жилое здание в Нью-Йорке.

и лечь в кровать. В тот вечер потребовалось больше времени. Он присел на край постели, надеясь почувствовать в теле усталость. Но ее не было.

Он подошел к окну, выглянул. На улице никого не было. Все было нормально. Краем глаза он увидел две обугленные руки на подоконнике между стеклами. Они лежали там каждый раз, когда нужно было выходить, когда нужно было погружаться в темноту.

Они лежали там как напоминание.

Он открыл окно и посмотрел на руки. На улице было тихо. Порой ночью было слышно, как вдалеке поет дрозд. Он никогда его не видел, но знал, как выглядят дрозды. Клюв у них того же цвета, как у его мамы, когда ей сообщили новости.

И такие же черные глаза.

Закрыв окно, он подошел к полке над зеркалом. Бело-синяя коробка стояла там, куда он ее поставил четыре ночи назад. Он сунул ее в карман длинного темно-серого пальто и вышел из комнаты.

Выбора у него не было.

* * *

На улице моросил дождь.

Ему нравился дождь. Нравилось это легкое монотонное падение воды с неба. Ночь была самая подходящая. Адрес известен. Можно не спешить. Он шел по пустынным улицам, переходя на другую сторону, если кто-то двигался навстречу.

Он никогда не оборачивался.

Дойдя до нужного района, он остановился рядом с зеленым контейнером и долго стоял в темноте, думая о строках, которые где-то прочитал. В них мужчина стоял на мосту и бросал погасшие свечи в воду. Ему нравилась эта идея – носить с собой темноту и разбрасывать там, где слишком светло.

Может, это он и делает?

Гасит свет?

У него же в кармане коробка...

Он отошел поглубже в тень, потому что рядом с контейнером вдруг появилась женщина с пластиковым пакетом. Она бросила его в контейнер. Интересно, что в этом пакете, думал он, следя за ее усталыми движениями. Может, черный парик и блеск для губ? Женщина исчезла. Бывали ночи, когда он следовал за одинокими людьми, пока те не скрывались в подъезде или баре. Они становились его компанией.

Сегодня ночью ему нужна была компания.

Он обернулся.

Возле автобусной остановки выли собаки.

Иногда ему было одиноко в обществе теней, и он воображал, что собаки свистят. Бездомные собаки с их гибкими поджарыми телами возникали из ниоткуда, пересекали улицу и исчезали, чтобы внезапно тяжело задыхаться рядом с ним и потом снова исчезнуть. Он слышал, как они переговариваются с другими собаками. И знал, о чем идет речь.

О нем.

Это все из-за третьего щенка. Утопленного. Он утопил его в ведре, прижимая сапогом, много лет назад. Щенок так боролся за свою недавно обретенную жизнь... Вся его вина была в том, что он родился третьим и оказался уродцем. У него что-то было с позвоночником. Иногда он думал об этом. Об уродстве. Щенок все равно умер бы. Он сделал то, что нужно было сделать, – избавил его от страданий. Но этот поступок оставил в нем глубокие следы. Слишком долго щенок цеплялся за жизнь. Он думал, все пройдет быстро.

Но он ошибся.

И пока щенок боролся под подошвой сапога, он думал. Это нехорошо. Он стоял и думал о том, что у него под ногой. Попытка избавить мир от страдания превратилась в нечто другое. В попытку убийства. Он мог убрать ногу и отдать щенка владельцам, сказав, что ничего не вышло. Но он так не сделал. Именно об этом он сейчас думал, стоя под дождем. Он оказался заложником ситуации, вынудившей его или убить, или признаться в собственной слабости.

Он убил щенка.

Об этом собаки говорили друг с другом, когда он гулял по ночам в компании теней. И он снова чувствовал себя заложником, вынужденным убивать.

Или признаваться.

Он подождал, пока свет в доме погаснет и станет совсем тихо. Потом надел резиновые перчатки, поднялся на второй этаж и позвонил в заранее намеченную квартиру. Пришлось ждать, пока пожилая женщина откроет.

– Да? – спросила она. – В чем дело?

– Мне нужна Эстер.

– Это я.

– Простите...

Позже, сидя в кухне и разглядывая тонкую белую веревочку, свисавшую из ее рта, он размышлял, почему сказал «простите». Это вырвалось нечаянно, словно он хотел попросить прощения за то, что случится. Такого раньше не было.

Первое, что он сделал, оказавшись в прихожей, это заклеил скотчем рот женщине. Потом отнес ее в кухню. Она весила не больше огородного пугала, которое он однажды набил. Свое следующее пугало он назовет Эстер.

Руки и ноги он привязал к стулу синей изолентой. Из шкафа над плитой достал стакан и наполнил водой из-под крана. Женщина с расширенными зрачками следила за его движениями. Наверное, думает, кто он. Или что собирается делать. Он поставил стакан в центр стола и достал коробку из кармана. Прежде чем открыть ее, помедлил, глядя на лампочку в простеньком старом абажуре на потолке. Она излучала мягкий свет. Этот свет был ему по вкусу. Мягкий, искусственный, который можно потушить в любой момент. Он достал из коробки тампон. Обертку сунул в карман, чтобы не оставлять следов. Левой рукой сдерживал с лица женщины скотч. Она попыталась было закричать, но он сунул тампон ей прямо в горло, затыкая крик. Теперь она молчала. Придерживая одной рукой челюсти, он влил ей в рот стакан воды и закрыл его.

Все было готово.

Он сел на стул напротив пожилой женщины. Тампон разбухал в горле. Надо было только ждать. Он бросил взгляд на деревянный стул, на котором сидел. Ему нравилась простая функциональная мебель. У его мамы было пять таких стульев. Но в семье их было четверо. Он никогда не задумывался над тем, для кого предназначался пятый стул.

Тогда.

Но сейчас задумался. Для кого был пятый стул? Он перевел взгляд на женщину перед собой. Колени ее тряслись. Глаза вылезли из орбит. Она задыхалась. Может, пятый стул был для гостей? Но гости к ним никогда не заходили. Наверное, это был один из маминых секретов. Стул для неожиданного гостя. Он улыбнулся. Женщина уронила голову на грудь и перестала дрожать. Он нагнулся, чтобы проверить веревочку, свисавшую из рта. Скоро все кончится. Интересно, о чем она думает...

Мы так мало знаем о смерти, сказал он про себя.

Скоро пора уходить.

Он вернулся обратно в квартиру пешком. На улицах было пусто. Он шел вдоль дорожного стока, опустив взгляд. В этой части города в такое время все вымирало. Пару часов назад ему попались на глаза бомж с пакетами пустых банок, пьяные подростки, рыскавшие в поисках наркотиков, одинокая шлюха, пытавшаяся заманить его дешевизной. Он видел подобные картины тысячу раз.

Но теперь было пусто.

Только чайки клевали блевотину, и сирены были вдалеке. Никто его не видел. Разве что издалека. Может, какой-то старичок, страдающий бессонницей, видел его из окна. Может, тот мужчина в темно-зеленом плаще с черной сигарой во рту? Может, он тоже слушает Венский хор мальчиков. Его слушал мужчина, навещавший маму. Однажды ночью он завязал бант ей на шее. Мама не знала, что он болен. Она слушала «О, ёлочка!» и позволяла ему заговаривать себе уши.

Мужчина ему помахал.

Он выпрямился и бросил взгляд на фасады домов. Никого не было видно.

Вода в кране была ледяной. Он всегда сразу по возвращении мыл руки. Держал под струей, пока те не теряли чувствительность от холода. Тогда можно было себя укусить и не чувствовать боли. Это давало успокоение. Вчера он повесил на стене над кроватью картину. Единственную в квартире. На ней юноша засовывал странный металлический предмет под юбку коленопреклоненной женщины. Оба были в средневековых одеждах. Сзади мужчины в ливреях ели дыню. Картина была цветная. Ему нравилось засыпать и просыпаться с нею. Но ей не хватало звука. Выглядело все так, словно мужчины в ливреях разговаривали. И ему хотелось бы знать о чем. О дыне? Или о странном предмете? Он лежал в постели и смотрел на картину. В комнате было темно. Он знал, что может заснуть. Но сначала надо было попытаться найти ответ на вечный вопрос. Почему никто не просит его о помощи? Он мог прятаться за кленом в парке и видеть людей, проходящих мимо с такими лицами, словно ничего не случилось.

Это странно.

Людям стоит быть осторожнее. Однажды он протянул руки к проходившему мимо мальчику. Хотел, чтобы тот рано узнал, что такое боль. Но мальчик убежал.

С тех пор он не пытался общаться.

Он чувствовал, как погружается в сон. Веки опустились. Он надеялся, что сможет проснуться.

Ему снится сон.

Он идет по светлому сосновому лесу по колено в траве. Перед ним виднеются дюны. Он идет к морю. Он слышал, что сегодня на берег вынесло много ракушек. Ему хочется это увидеть. Но дорогу преграждает большой темный автобус. Дверь открывается. Человек за рулем машет ему. Он не хочет в автобус, но рядом нет никого, кто мог бы ему помочь. Он разжимает руку с только что пойманной божьей коровкой и дует, пока та не улетает. Он не хочет, чтобы она тоже попала в автобус. Зайдя внутрь, он спешит на задние сиденья, чтобы спрятаться там. Автобус поднимается в воздух и парит над лесом. Он смотрит в окно и видит далеко внизу маленький домик. Позади домика в гамаке лежит женщина. Она машет ему. Он прижимает руку к стеклу. Автобус останавливается. На улице темно. Зеленый неоновый свет бьет в окна. Он видит каменные дома с темными окнами. Они в городе. Человек за рулем достает микрофон и начинает петь.

Он знает эту песню.

Он просыпается. Он жив.

Долго лежит в постели, проверяя, не остался ли он во сне. Сны были такими реальными, что порой ему казалось, что он в другом мире.

Но не на этот раз. Он запустил руки в волосы.

Это движение его успокоило.

Две ночи подряд он оставался в квартире. Не открывал окно, не трогал таблетки, не мерил комнату шагами. Это было странно. Может, у него пропала потребность выходить? Это стало бы облегчением. Ему не нравилось, что это длится так долго. Это не входило в его намерения. По крайней мере, вначале. Вначале ему просто нужна была женщина. Любая подходящего возраста.

Только одна.

Но этого оказалось мало. Он думал, что одной будет достаточно, чтобы подарить ему покой и темноту.

Но все оказалось не так просто.

Свет настиг его.

И теперь непонятно, когда все это кончится. Это сильно его беспокоило. В первый раз он испытывал волнение. Не из-за того, что собирался делать, а из-за возможности обрести темноту. Во второй раз волнения уже не было, только желание быстрее увидеть, как белая нитка застынет и все будет кончено.

Больше всего ему хотелось, чтобы темнота не кончалась.

Но это было невозможно.

Он открыл окно. Наступила ночь, на подоконнике было пусто – никаких обугленных рук. Дрозд молчал. Нет причин выходить.

Он сел рядом с миниатюрной моделью и задумался о других людях и других местах. О людях, которых никогда не встретит. Иногда он давал им имена, называя в честь животных или растений. Рисовал на стене королей с лицами как блюдца и обычных людей с длинными носами почти метр в длину. Видно было, что они суют свой нос в чужие дела. Это опасно. Еще в песочнице ему попадались дети с длинными носами. Он хорошо знал этот тип.

Подойдя к пальто, он вынул из кармана коричневую кожаную перчатку, вероятно принадлежавшую одной из женщин. Он нашел ее по дороге к дому Эстер. Ему часто случалось находить перчатки. Кожаные он подбирал и варил в кастрюле, пока они не скукоживались. Потом вешал их на веревку, протянутую через кухню. Там, подобно вымпелам, висело около сотни вареных перчаток, прикрепленных прищепками.

Он положил перчатку в кастрюлю.

Сварит потом.

И посмотрел на дверь.

Рано или поздно в нее постучат, в этом нет сомнений. Если он будет и дальше здесь оставаться. Дверь была деревянной, без звонка. Значит, они постучат. Он попробовал представить этот звук. Чья это рука? Кто желает ему зла? Кто сунул свой длинный нос в его дела?

Он откроет не сразу. Сначала снимет картину со стены и спрячет под подушкой. Потом опустит руки под холодную воду, чтобы те онемели.

Они снова постучат в дверь.

Он крикнет, что не может открыть дверь, потому что у него нет рук. Что произойдет дальше, он не знал. Может, они вызовут управдома с ключом, может, просто сломают. Он был готов к худшему.

Он снял пальто с вешалки. Скоро рассветет. Усталости он не чувствовал. Свет пришел слишком рано. Он часами мерил комнату шагами и все равно не устал.

Ему нужно поспать.
Ему нужно быть осторожнее.
Он вышел.

В свои 78 лет Гунвор Ларссон жила одна. Муж ее скончался от кровоизлияния в мозг четыре года назад. Она скучала по тому, кто столько времени был спутником ее жизни, но одной ей жить было легче. Последние годы омрачали сетования мужа на то, что жизнь прошла зря. Когда она робко намекала, что у них была любовь и что они всю жизнь прожили вместе, он только плакал.

Это было ужаснее всего.

Но теперь его не было. Гунвор чувствовала себя хорошо, несмотря на возраст. Только плохо спала. Она могла проснуться ночью и больше не заснуть. Она пробовала все – от лекарств с мутными названиями до аудиокниг с мутными рассказами. Внуки пытались научить ее медитации, даже посоветовали мантру, которая, если повторять ее долго, помогает расслабиться и заснуть. Она выбрала слово «море». Первые ночи она бормотала «море» минут двадцать, но потом отправлялась пить чай. Эта ночь не стала исключением. В два она проснулась, надела халат и вышла на кухню. Поставив чайник, она присела за стол, где с прошлой ночи были разложены фотоальбомы. Чтобы скоротать время, она разглядывала снимки детей и внуков, домашних животных и старых друзей, чьи имена стерлись из памяти. Гунвор раскрыла последний альбом – прошлогодний. Один из внуков специально распечатал цифровые фотографии и сделал альбом, чтобы подарить бабушке. Она успела долистать до фотографии правнука, когда в дверь позвонили.

«Ночью ты будешь танцевать».

Эта фраза из песни звучала у него в голове. «Ночью ты будешь танцевать». Люди пели ее в белые ночи, когда он стоял, привязанный, в теплице. Ему слышно было, как их пьяные голоса пытаются попасть в тон. Среди них было много детей. Они веселились. А потом пришли к нему. Им было плохо, многие плакали. Когда его отвязали, уже рассвело. Мама выставила на крыльцо простоквашу. Он так и не понял, для него это или для ежейков.

Дверь открылась.

Старушка смотрела на него в щель:

- Да?
- Вы Гунвор?
- Мне не нужно ничего покупать.
- Мне тоже.

Он бросил взгляд на открытый альбом на столе. Взял его в руки. Много фотографий детей. Взгляд остановился на мальчике в углу. Он несколько минут смотрел на ребенка с темными кудрявыми волосами и плотно сжатыми губами. Наконец развернул альбом к дрожащей женщине на стуле и спросил, тыкая в мальчика:

– Твой внук?

Женщина вся посинела. Глаза вылезли из орбит. Голова ее тряслась. Непонятно было, что она отвечает. Он перевернул страницу. Там тоже было много снимков с детьми. Они обнимали взрослых, играли, держали цветы. Все выглядели счастливыми. Никто никого не привязывал. Он сжал губы. У всех со временем вырастут длинные носы. Он вернулся к фотографии мальчика, который искал его взглядом и умолял. На глаза набежали слезы.

Внезапно он закрыл альбом и уставился на женщину перед собой. Все длилось слишком долго. У него кончилось терпение. Ему нужен результат. Он чуть не вскочил, но заставил себя сидеть. Наконец она обмякла. Он смотрел на женщину и ждал темноту.

Но темнота не наступала.

Его ничего не трогало.

Он потрогал белую нитку, свисавшую изо рта женщины. Она не шевелилась. Все прошло как обычно, но что-то было не так. Он сидел несколько минут, борясь с отчаянием. Потом вскочил, отбросил альбом. Сердце бешено билось в груди.

На лестнице он почувствовал, как сжимается горло. Он вышел из дома, не пытаясь скрыться. Это не имело никакого значения. Сбросив пальто, он побежал. Было еще темно. Он быстро выбрал путь. По дороге ему попадались прохожие и машины. Он продолжал бежать. Он знал, что случится, и хотел, чтобы его при этом никто не видел. Надо успеть добежать до норы. Но кричать он начал еще задолго до того, как показался дом.

Сердце успокоилось, стоны стихли, напряжение спало. Он стоял у стены в комнате, зная, что это затишье перед штормом. С ним такое раньше случалось. Сначала все замирало, а потом наступала боль.

Он обвел взглядом комнату, стараясь все запомнить — диван, стол, миниатюрную модель, деревянную дверь в стене. Там был чулан, в котором хранились вещи. Не его вещи. Но это его не беспокоило.

Он снял со стены картину, аккуратно свернул и положил под подушку. Повесит ее, когда вернется.

Он подошел к окну и открыл его. На подоконнике было пусто. Он провел ладонью по нему. По рукам он тоже будет скучать.

Внезапно он услышал дрозда. Впился глазами в темноту, чтобы его увидеть, но безуспешно. Сложил губы для свиста, но передумал. Не стоит тревожить прошлое.

Он долго стоял перед окном. Закрыв его, почувствовал пощипывание на лице. Подошел к зеркалу, наклонился и посмотрел на отражение.

Это мое лицо?

Оно было ему знакомо. Особенно скулы, изогнутые брови, рот. Он прижался губами к губам своего отражения. Потом смахнул то, от чего пощипывало лицо, и лег на постель.

Пора.

Его время кончено. Бесполезно сопротивляться. Раньше он пытался остаться в том, кем он был. Но это бесполезно. Он стонал, он резал себя, чтобы не утратить контакт. Но все безрезультатно. Его уносило туда, откуда не было возврата. Оставалось только отдаться течению.

Он лежал на кровати, вцепившись пальцами в покрывало. Все тело сотрясала дрожь. Он знал, что сейчас случится. Знал, что у него оставалось несколько секунд до того, как он пересечет черту и попадет в мир, о котором ничего не знает. Несколько секунд ужасной боли.

Когда это произошло первый раз, он не был готов. Он не знал, что ждет его там, за чертой, пока не увидел палача. Тень без лица с продолговатым предметом в руках. Он смотрел на тень, и прежде чем успел отреагировать, раскаленная коса расколола его на две части. И вот он снова на пути туда. Он хотел уже все отпустить, когда вдруг услышал его.

Стук в дверь.

Стук, которого он ждал.

Он замер.

Открыть дверь или унести за черту? Если выбрать второе, они никогда его не найдут. Что их будет ждать? Мертвый дрозд на подушке? Обугленные руки под покрывалом?

Надо встать.

Поддержать руки под ледяной водой и подойти к двери.

Но он ничего не сделал.

Только закрыл глаза, засунул язык поглубже в горло и поплыл по течению.

К последней черте.

Рольф Бёрлинд родился в 1943 году, а его жена Силла – в 1961-м. Они вместе пишут киносценарии и детективные романы. Кроме того, Рольф Бёрлинд – один из самых известных сатириков. На него даже подавал в суд премьер-министр за фальшивое интервью, напечатанное в «Афтонбладет» – популярной бульварной газете в Швеции. Там же он печатал и другие фальшивые интервью, например с теннисистом Бьёрном Боргом. Премьер-министр проиграл дело. Рольф – поэт, актер, кинорежиссер и президент гильдии писателей Швеции – национального союза сценаристов. Он и его жена – одни из самых известных в Швеции сценаристов, написавших около пятидесяти сценариев для полнометражных художественных фильмов. Двадцать шесть из них написаны к фильмам про детектива Мартина Бека по мотивам книг Май Шеваль и Пера Валё, еще несколько – к фильмам по книгам Арне Даля и Хеннинга Манкелля. Первый совместный роман Бёрлиндов «Прилив» вышел в 2012 году и был признан одним из самых ярких дебютов года. Второй роман, «Третий голос», вышедший в 2013 году, пародирует условности шведского детективного жанра. Бёрлинды живут в Стураэнген – пригороде Стокгольма.

Оке Эдвардссон Никогда в реальной жизни

У Оке Эдвардссона есть любимый герой – главный инспектор полиции Гётеборга Эрик Винтер, по характеру сильно отличающийся от обычного инспектора – героя большинства шведских детективов. В то время, когда появился первый роман Эдвардссона, в литературе преобладал герой, подобный Мартину Беку (из детективов Шеваль и Валё) и Курту Валландеру (герой Хеннинга Манкелля): средних лет, неряшливо одетый, одутловатый, депрессивный человек, одиночка или с проблемами в семье, преследуемый бессонницей, социальный изгой. Эрик Винтер – полная противоположность этому. Он молодой, энергичный, смотрит на жизнь с оптимизмом, элегантно одевается, ведет богатую социальную и личную жизнь и обладает веселым нравом. Помимо серии книг об Эрике Винтере, Эдвардссон написал и другие взрослые и подростковые романы. Его взрослые внесерийные триллеры отличаются психологизмом и скупостью красок в описании малонаселенных районов Швеции. Пишет Эдвардссон и рассказы. Критики отмечают стилистическое совершенство произведений автора, тонкий психологизм и драматичность сюжетов. Представленный здесь рассказ демонстрирует многогранный талант писателя, который держит читателя в напряжении до самого конца.

Она слушала прогноз погоды, он сосредоточенно вел машину по солнечным бликам на дороге. Он готов был вертеть руль сколько угодно, лишь бы играть в эту игру. Она смотрела карту. Она хорошо ориентировалась по картам. Они все больше удалялись от цивилизации, но жена не пропустила ни одного поворота.

– Ты будто выросла в этих местах, – пошутил он.

Она ничего не ответила, продолжая вглядываться в карту. Наконец сообщила:

– Перекресток трех дорог через километр.

– Ммм.

– Сверни налево.

– Там солнце? – спросил он.

– На западе солнечно, – ответила она. – Так сказали по радио.

– Солнце – это хорошо.

Небо было затянуто тучами. Только на северо-западе виднелось голубое пятно, сквозь которое проникали лучи солнца. Это выглядело так, словно Бог проткнул небо своим копьем. «Хоть какая-то от него польза», – подумал мужчина.

– Вот и перекресток, – произнесла женщина.

Стоило им въехать в деревню, как небо просветлело.

– А с солнцем лучше, – сказал он, доставая солнечные очки. – Значит, Бог все-таки есть.

– Считаешь, он о нас думает? – спросила она.

– И даже верит в нас, – ответил он.

– Это уже граничит с богохульством.

– Думаю, ему на нас наплевать. Он занят созданием высокого давления.

– Откуда ты знаешь? – спросила она тихо, но он расслышал.

– Не говори с местными о Боге, – посоветовала она. – Люди тут религиозные.

– Тогда им, должно быть, приятно поговорить о Боге?

– Не в такой форме.

– Откуда ты так много знаешь – про Бога и про людей?

Она промолчала.

– В любом случае, остановимся здесь, – решил он. – Мы нашли солнце, так что дальше ехать нет смысла.

Посреди деревни он свернул направо. На холме стояла тысячелетняя церквушка, выкрашенная в белый цвет. Люди здесь принадлежали к Свободной церкви, но, тем не менее, ухаживали за старыми церквями той веры, от которой они отделились. Впрочем, быть может, им просто нравилась архитектура. Мужчина в кепке стриг траву газонокосилкой. Шум мотора был слабый, как жужжание шмеля. Трава зеленая, сочная, не видевшая солнца. «Им, наверное, долго пришлось ждать, пока она вырастет здесь на холме», – подумал он. Еще пара дней – и можно доставать косу. «Смерть с косой», – улыбнулся он своим мыслям.

Мужчина в кепке посмотрел на проезжающий автомобиль, но тут же отвернулся.

– Интересно, тут можно купаться? – спросила женщина.

– Надеюсь.

У озера они были совсем одни. Это было искусственное озеро. Местные жители перегородили реку плотиной, чтобы появилась возможность купаться. До плотины оставалось метров сто. На пляже стояли стол со скамейками и кабинки для переодевания.

– Я такие последний раз видел в детстве, – сказал он.

Вода сияла на солнце. Внезапно стало жарко, словно они оказались в другой стране. «Мне тут нравится, – подумал он. – Лишь бы туристов оказалось немного».

Неподалеку виднелся кемпинг. Там были оборудованы места для умывания и стирки, деревянный туалет, парковка и места для палаток. О чем еще можно мечтать?..

– Надо сделать покупки. Минеральная вода почти закончилась.

– Знаю, – сказала женщина. – Но давай сначала поставим палатку.

До ближайшего города было около двух миль. Если, конечно, это можно было назвать городом. Заброшенная железнодорожная станция. Пустые закрытые магазины. Пустая главная улица. «Если на витрине пусто, можно ли называть ее витриной?» – подумал он. Но супермаркет там был. И даже винный магазин. А что еще нужно людям в отпуске?

– Я пойду за алкоголем, а ты – за продуктами, – скомандовал он.

– А мы разве не вместе будем делать покупки? Времени же предостаточно.

Он не ответил.

– Мы же в отпуске, – добавила она.

– Да-да, – пробурчал он.

В магазине было прохладно, даже холодно. Они были одни, не считая девушки на кассе. В городе он тоже никого не увидел. Может, они все переехали в поисках солнца? Это место стояло ровно посередине между двумя побережьями. Потеряв терпение, люди рванули прочь – кто на запад, а кто на восток. Он же поступил наоборот, что оказалось правильно. Солнце ярко светило, небо было чистое.

– Котлеты выглядят свежими, – сказала жена.

Он наслаждался сумерками. Раз показавшись, солнце уже не хотело садиться. Он выпил виски, пока готовил маринад для котлет, а потом еще стаканчик, пока устанавливал гриль. Жизнь просто чудесна. Только посмотрите на него: одетый в одни шорты, он теплым летним вечером наслаждается ароматами леса, воды, виски и жареного мяса... Он подлил себе виски и спросил, поднимая стакан:

– Ты точно не будешь? – В лучах солнца виски искрился, как янтарь. Восхитительно.

– Нет, мне и с вином хорошо, – сказала она, кивая в сторону бутылки на столе. Она смешивала салат.

Он хотел открыть сразу две бутылки, но она настояла на одной. Они договорились не покупать вино в картонных коробках, даже если их никто не увидит. Это вульгарно – пить вино из коробки. Так он всегда считал. У людей должен быть стиль. Пить вино из коробки – это все равно что пить бутылочное вино из пластикового стакана или есть с пластиковой тарелки. «И плевать, что большинство так поступает, – подумал он, опустошая бокал. – Хороший виски. Пошли все к черту. Это мой отпуск, мое солнце, мое озеро, мой кемпинг. Есть еще в этой чертовой стране что-то хорошее. Можно ставить палатку где угодно, не рискуя, что тебя пристрелят... Может, убрать указатель к пляжу с поворота? Чтобы никто мне не мешал. Инструменты у меня есть». Идея показалась ему блестящей, но что-то подсказывало, что это говорит виски. Еще какой-нибудь крестьянин будет проезжать мимо на телеге с сеном и поинтересуется, чем это он там занимается... Так что это все может плохо кончиться. Он проверил, нагрелся ли гриль, и сообщил:

– Я кладу котлеты!

Позже он сидел в том, что в другое время года называли бы темнотой, но только не летом. Солнце было тут, за горизонтом. Водяная гладь как зеркало. На той стороне озера виднелся лес, похожий на джунгли. Внезапно он увидел свет.

– Что это? – спросил он, показывая в ту сторону.

Она давно сказала, что пойдет спать, но все еще сидела здесь. Типично по-женски. Сказать одно – сделать другое. Он бы предпочел посидеть в одиночестве. Наслаждался бы тишиной, покоем... С ней же создавалось ощущение, что за ним следят. В последнее время у него часто возникало такое ощущение. Что она следит за ним. Но сейчас она смотрела на озеро. И все равно казалось, что она только хочет отвлечь его внимание.

И снова свет. Похоже на карманный фонарь.

Он моргнул. Раз-два-три моргания.

– Снова!

– Что снова?

– Ты не видишь?

– Свет?

– Да, черт возьми.

– Кажется, видела...

– Кажется?

– Там кто-то с фонариком!

– Может, это светоотражатель?

– Светоотражатель? В лесу?

Она пожала плечами.

– Солнце взойдет не скоро.

Он попытался что-то разглядеть между деревьями, но было темно, как в джунглях.

– Там кто-то есть.

– Ну, может, кто-то гуляет.

– Хм...

– Я пойду лягу.

– Тебе все равно. Дома ты со светом спать отказываешься.

– Но мы не дома. Тут все по-другому, – ответила она.

Утро было прекрасное. Ярко светило солнце. Все было отлично видно на свету. Он сразу пошел купаться и удивился, какой прозрачной и холодной оказалась озерная вода. Он нырнул, почувствовав, как приятно обжигает холод, а вынырнув, понял, что похмелье

как рукой сняло. Вот это настоящий отпуск! Он увидел, как она вылезает из палатки, потягивается, зевает, шурится на солнце, смотрит на него.

– Не будешь купаться? – крикнул он, брызгая на нее водой.

– Попозже, – отозвалась она, направляясь в туалет.

– А в той дыре была кондитерская? – крикнул он ей вслед.

Она обернулась.

– Вроде да.

– Мне до чертиков охота свежей выпечки. Я поеду куплю к завтраку.

Он поплыл к берегу.

– А ты можешь водить машину, Бенгт?

– Что ты имеешь в виду?

– Виски!

– Да ладно. Это было вчера. И я готов поспорить на сто тысяч, что здесь на десять миль вокруг ни одного полицейского.

– У нас нет ста тысяч, – заметила она.

Он повернул налево возле указателя и снова налево на перекрестке. Белая церковь так ослепительно сияла на солнце, что стало больно глазам, несмотря на очки. Через сто метров дорогу ему перегородил пикап. Перед пикапом стоял мужчина в бейсбольной кепке с поднятой рукой.

«Что за черт».

Он опустил стекло. Мужчина нагнулся.

– Что происходит?

– Семья лосей переходит дорогу.

Мужчина говорил на диалекте, который звучал знакомо, но он никак не мог вспомнить, где его слышал.

– Я никого не вижу.

– Они там, вверх по дороге. Мы не хотим, чтобы кто-то пострадал.

– Какой у вас тут контроль!

– Это наша работа.

– Я думал, ваша работа стрелять лосей, – усмехнулся он.

– Это тоже, – улыбнулся мужчина, – но в это время года мы занимаемся лосиным сафари.

– А... я видел указатели.

– Видел?

– Их трудно не заметить.

Он уже два раза замечал бело-синие таблички с текстом «Лосиное сафари», картинкой лося и стрелкой.

– Ты когда-нибудь видел лося? – спросил мужчина.

– Много раз.

– Да ну?

– На картинке, – рассмеялся он, – но в реальной жизни никогда.

Мужчина улыбнулся.

– Это легко устроить.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы встречаемся вечером. В сумерках. Гарантирую, ты увидишь то, что никогда не видел. В реальной жизни, – добавил он с улыбкой.

– Ну, не знаю...

Он вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что там за пикапом, но лосей не было видно. Теперь сложнее стало отказаться от предложения.

– А что это такое на самом деле? Лосиное сафари?

– Мы знаем, где в лесу пасутся лоси. Берем с собой всех желающих и показываем им лосей. Вот и все, – мужчина нагнулся ниже. – И конечно, берем с собой еду, пиво, шнапс. У нас там есть навес и шампуры для шашлыка. Все как надо, – мужчина снова улыбнулся. Глаза не видно было из-под козырька кепки. – Будет весело.

Навес, шашлык, лес... Дикие животные. Настоящее приключение. За деньги, конечно, но... Пиво и шнапс. Сразу возникло желание промочить горло. Он облизнул губы, представляя себя с пивом в руках у костра. В компании мужчин. Никаких баб.

– Еще постреляем по мишеням. Это весело.

Мужчина улыбнулся, показывая темные зубы. Но может, это только тень.

– Сколько стоит?

– Пять сотен. Но в них входит столько еды, сколько сможешь съесть, и столько спиртного, сколько сможешь выпить. И лоси, конечно.

– Во сколько?

– Начинаем в семь. С холма у церкви, – кивнул мужчина в сторону перекрестка.

– Много народу будет?

– Пока пять. Шесть, если ты присоединишься. Это как раз в меру. Чтобы не тревожить лес.

«Тревожить лес, – подумал он. – Какое удачное выражение. Как будто у леса есть душа... Может, и есть. Может, вчера я видел, как лес моргал?»

– Я с вами! – объявил он.

Когда он вернулся, жена как раз выходила из воды.

– Хорошо! – блаженно вздохнула она.

– А я что говорил.

– Купил хлеб?

– Сомневаешься?

– Что тебя так взбудоражило?

– А что?

– Нет, ничего.

– Может, тебе не помешало бы изобразить немного благодарности за то, что я купил свежий хлеб и булочек к завтраку?

– Это же была твоя идея.

– И что?

– Я ничего не говорила.

– Не стоило мне ехать в город, – заявил он, доставая пакет. Он показался ему невыносимо тяжелым. – Не нужен нам никакой хлеб к завтраку.

– Не глупи, Бенгт!

– Не глупи? Это кого ты считаешь глупым? – Он сделал шаг навстречу: – Меня?

Она отшатнулась, как от удара. Как будто он собирался ее бить. Это раньше случалось, но тогда он был вынужден поднять на нее руку. Он думал, она поняла. Все те разы она провоцировала его, и рука действовала против его воли. Они это уже обсуждали. Она сказала, что поняла. Разве можно было этого не понять? Но тогда как она осмелилась назвать его глупым? Посреди отпуска. После того как он сделал усилие над собой, съездил в магазин, и все ради хорошего совместного отпуска. Накануне лосиного сафари. Она и про лосей скажет, что это глупость?

Он взвесил пакет в руке и зашвырнул его так далеко в озеро, как мог.

Тяжести хватило для инерции. Пакет шлепнулся в воду и поплыл по течению. Он слышал ее всхлипывания, но не обернулся. Вот что происходит, когда люди забывают о благодарности. Тогда можно забыть и про выпечку на завтрак. И про хорошее отношение тоже.

За обедом она молчала, что его полностью устраивало. Сам он выпил только два пива за едой. В другой день он бы и водки опрокинул, но сегодня ему предстояло пить вечером. Он рассказал ей, и она кивнула так, словно уже обо всем знала. У него появилось неприятное ощущение. После того как он сообщил, что пойдет на лосяное сафари, жена кивнула и отвела глаза. Она смотрела на пляж с другой стороны озера – туда, где он вчера ночью видел огни. Но неважно, главное, что она ничего не сказала. Должен же мужчина в отпуске иметь покой.

– С ночевкой? – спросила она через пару минут.

– Нет. Вернемся после полуночи.

Ему приятно было это произносить. Он чувствовал себя свободным и мужественным.

– А где этот навес?

– Там, – кивнул он в сторону леса. – Это все, что тебе нужно знать.

Она снова отвела глаза.

Он допил пиво.

– Я пошел купаться.

Он сразу зашел в воду. За день озеро прогрелось. Он просто лежал на воде, едва шевеля конечностями. Он слышал, что опасно купаться сразу после еды. Можно камнем уйти под воду. Камнем он становиться не хотел – их тут и без него хватает. Видно было, как жена встала и пошла в палатку. Через пару минут вышла и направилась мыть посуду. Если бы она вела себя хорошо, он бы предложил помочь с посудой. А так слишком поздно. Он лег на спину и поплыл по течению. Вода была солоноватой и хорошо держала. Пахло лесом, песком, водой. Это место просто жемчужина. Странно, что они тут единственные туристы. Место, конечно, малонаселенное, но ведь сейчас сезон отпусков. А тогда туристы со всей Европы наводняют Швецию. В кондитерской он слышал немецкую речь. Странно, что никто до этого пляжа не добрался.

Дорога заасфальтирована. К пляжу вел указатель. Здесь должны были быть туристы. Конечно, без них намного лучше, но все-таки странно... И где купаются местные жители? У них что, нет детей? Он видел хутора в полях. Да и крестьянам не помешало бы охладиться после работы на жарком солнце... Однако ни души. «Может, причиной тому жара», – сообщил он. Детей отправили в лагерь. Но вряд ли... Тогда другие дети из города приехали бы к бабушкам и дедушкам. Летние дети. Смешное выражение – летние дети, будто дети бывают только летом.

Жена была таким ребенком. Ему внезапно вспомнилось, что она или кто-то другой ему об этом рассказывал. Она проводила лето в деревне. «Может, такой, как эта», – подумал он. Где именно, он не помнил. Но крестьянки из нее не вышло. Только пара диалектных словечек вкралась в речь, и иногда в ней звучали интонации, подобные тем, с которыми говорил мужчина, зазывавший его на сафари. Может, все крестьяне говорят одинаково? Он улыбнулся своим мыслям.

Без пяти семь он припарковался внизу у церкви. Солнце продолжало палить. Закрыв машину, он поднялся наверх. Машину потом заберет жена. Отсюда до кемпинга километра три. Она сама предложила. Жаль, что такие хорошие идеи посещают ее не часто. Церковь вся светилась от яркого света. Вблизи нее все: трава, забор, могилы, небо – казалось белым. Но скоро наступит вечер, и краски смягчатся. Это было лучшее время. Он встал у калитки. Церковное кладбище казалось крошечным, могил двадцать свидетельствовали о том, что в приходе всегда было мало людей. Мало людей жило и мало умерло. Он задумался.

мался, смог бы сам так жить. Нет. Летом здесь еще можно было существовать, но зимой... Зимой морозы доходят до минус тридцати. Он поежился от этой мысли. Снова посмотрел на могилы. Умереть здесь? Ни за что. «Если здесь не живешь, то и не умрешь», – улыбнулся он. Сзади раздался звук мотора. Повернувшись, он увидел пикап и уже знакомого мужчину в кепке за рулем.

– Залезай! – крикнул тот.

– А где другие?

– Ждут в лесу.

– Я думал, мы встречаемся тут.

– Они пришли раньше, и мой компаньон повез их первыми.

Он не стал спрашивать. Они направились той же дорогой, которой он ехал в деревню. В окна дул теплый ветерок. На полях паслись коровы с набухшим от молока выменем. Скоро пора доить. Ковбои приедут, чтобы отогнать скот на ферму. «Movin', movin', movin'...»² Он видел это в каком-то сериале. Тот сериал могли снять и здесь. За сто лет тут ничего не изменилось. Только лошадей заменили пикапы. Но не всех. Лошади для катания остались. Они проехали мимо поворота к пляжу. Но указателя больше не было. Он обернулся. Да, это точно тот поворот. Он узнал раздвоенную сосну в пятидесяти метрах от пляжа и повернулся к водителю:

– Указатель исчез.

Мужчина в кепке бросил на него странный взгляд, но промолчал.

– Указатель на пляж. У меня там стоит палатка.

Мужчина посмотрел в зеркало заднего вида.

– Указатель?

– Да, указатель. Сине-белый. Обычный.

– Хм... ты прав, – отозвался водитель. – Там обычно висит указатель.

– Больше нет.

– Может, забрали починить.

– Посреди отпуска?

– Ну, я не знаю... Это важно?

– Нет... наверное, нет... просто странно.

Мужчина за рулем не ответил и свернул в лес. Указателей на повороте не было. Да и ехали они не по дороге, а по какой-то тропе. Может, лосиной, подумал он. Вот они идут по ней, ничего не подозревая, а в кустах сидят крестьяне и ждут с ружьями наперевес. «Лучше проявлять осторожность», – подумал он, косясь на водителя. Он ведь тоже крестьянин. Кто знает, что у него на уме. Кулаки у него, сразу видно, крепкие. Они выехали на перекресток. Он подумал о предстоящем ужине: костер, шашлык, пиво, шнапс... Невыпитый после обеда виски начинал сказываться. В горле пересохло. Язык разбух и мешался во рту. «Никогда больше не пренебрегать послеобеденным виски», – подумал он. Пикап карабкался на холм. Лес стал светлеть, и вскоре они выехали на опушку. Водитель выключил зажигание.

– На месте, – объявил он и вышел из машины.

Вид с вершины холма открывался потрясающий. Ощущение было словно стоишь на вершине мира. Видно было весь лен³ на мили вокруг. А перед тобой сосновое море, прямо до горизонта. Солнце садилось на западе. Отсюда можно было любоваться закатом, провожая солнце взглядом, пока оно не превратится в золотой пожар на горизонте, чтобы через несколько часов снова подняться в небо.

Но они приехали сюда не за этим.

² «Пошла, пошла, пошла...» (англ.).

³ Лен – единица административно-территориального деления Швеции.

– А вот и остальные, – сказал мужчина в кепке, показывая на людей неподалеку.

Он насчитал четверых. Все были одеты в грубые джинсы, клетчатые рубашки, грубые ботинки и кепки, как у водителей. Вид у всех был крестьянский. Он единственный выглядел как городской. Синяя рубашка заправлена в брюки. И яхтенные туфли грубыми никак не назовешь. Кепки у него тоже не было. Водитель представил его остальным. Судя по всему, только он был не местным. «Может, пятьсот крон – это много для крестьян, – подумал он. – Может, они только изображают туристов, а пять сотен собираются разделить по сотне на каждого. Этого им хватит на мешок удобрений или что там крестьянам нужно». Но деньги у него еще не просили.

– Займем позиции, – объявил мужчина в кепке. Он уже привык о нем так думать, хотя на самом деле в кепках были все. Странное у него выражение – занять позиции.

Мужчина в кепке пошел по направлению к вышке. На вид она казалась недавно построенной. Непонятно было, зачем тут вышка, но, может, с нее лучше следить за лосями... Они поднялись по лестнице. Вышка оказалась выше, чем выглядела снаружи. Так всегда бывает, когда прыгаешь в воду с вышки. Но он давно уже не прыгал. Он вообще давно уже не делал ничего, заслуживающего внимания. Он не жил, а существовал. Не лазил на вышки, не разжигал костров. Шнапс, конечно, пил, но кто его не пьет... Он думал, что жил, но это была не жизнь.

Он чувствовал на лице ветер. Чувствовал себя одновременно большим и маленьким.

– Смотри вниз, – услышал он слова одного из мужчин.

Он посмотрел. Внизу видно было, как волнуется листва, как поднимаются и опускаются ветки. Видно было, как что-то коричневое или черное – сложно было различить цвета в сумерках – передвигается там. Наконец он увидел лосей на перекрестке тропинок. Они направлялись на восток. Лоси. Первые в его жизни. Судя по всему, одна семья, хотя по размерам сложно было определить. Они пришли как по заказу. Может, их натренировали, чтобы они появлялись, когда туристы на вышке... но это казалось слишком неправдоподобным. Хотя кто знает. Может, крестьяне тут научились за неимением людей разговаривать с лосями.

Животные неспешно шли на восток. Пару раз они останавливались и пробовали ветки на вкус и свежесть. Передвигались они неуклюже, но все же в них было что-то величественное. Короли леса. Внезапно он пожалел, что не взял жену с собой. Мысль была неожиданной. Но ведь они тоже могли быть семьей, настоящей семьей. Как у лосей. Все могло быть по-другому. Лоси исчезли в лесу. Спектакль окончен. Лоси продолжили свой путь.

Он оглянулся по сторонам и понял, что все смотрят на него, словно ждут какой-то реакции. Он уже понял, что единственный тут за деньги, но это не играло никакой роли. Он уже получил то, что хотел. Лоси изменили его. Ему хотелось немедленно рассказать ей обо всем. Но это невозможно. Один он путь назад не найдет. Да и пешком отсюда не дойти. К тому же они наверняка оскорбятся, если он попросит отвезти его домой прямо сейчас. Мужчина в кепке дал команду спускаться с вышки. Они откуда-то вытащили ящик и стали из него что-то доставать. Подойдя ближе, он увидел мишени с изображением лосей. Мужчина поднял одну. Она была размером почти с лося. Двое мужчин сходили к пикапу и вернулись с ружьями.

– А теперь поохотимся! – объявил мужчина в кепке.

– Как? – спросил он.

– Поставим мишени на опушке, – пояснил мужчина, – и постреляем.

– Я никогда из ружья не стрелял... – пробормотал он.

– Самое время начать.

Мужчина в кепке кивнул мужчине в клетчатой рубашке, и тот передал ружье. Наверное, специальное ружье на лося. Он о таких слышал. Он взвесил его в руках. Внезапно ему

вспомнился пакет с хлебом. Теперь он раскаивался в том, что выкинул его в озеро. Раскаивался больше, чем во всем плохом, что он когда-либо делал. Стоя тут с этим чертовым ружьем в руках, окруженный крестьянами, он внезапно почувствовал, что, выбросив пакет, совершил нечто непростительное. Непонятно, откуда взялись эти мысли, но он вдруг осознал, что перешел последнюю черту. Последнюю черту в их отношениях. Перешел последнюю черту.

Она хотела уйти. Хотела бросить его. Но он не позволил ей это. Дал понять, что случится, если она осмелится его бросить.

– Поставим мишени, – сказал мужчина в кепке.

Он сам не знал, что сделает, реши она его оставить. Может, она знала это лучше его самого. Она хорошо знала, на что он способен.

«Боже, дай мне выбраться отсюда. Пока не слишком поздно. Слишком поздно», – повторил он про себя, гадая, почему его посещают такие странные мысли. Он стоял, пока крестьяне расставляли мишени в лесу. Часть было видно, часть – нет. Непонятно, как по ним стрелять. Но он не собирался стрелять. С него хватит мужских развлечений. Ему хотелось только поскорее отсюда выбраться и вернуться к жене. Он изменился. Он не будет повторять прежних ошибок. Мужчины стояли вокруг него с ружьями наперевес. Они будто уже родились с ружьями в руках. Так оно, наверное, и бывает в этих местах. Они смотрели на него, словно ожидая, что он сделает первый выстрел. «Я тот, кто сделает первый выстрел», – подумал он, улыбнувшись. Но никто не показал ему, как стрелять. И патронов ему не дали, или чем там они стреляют.

– Мне кажется, одна из мишеней упала, – сказал мужчина в кепке и кивнул ему: – Сможешь ее поднять?

– Я? – удивился он.

Мужчина в кепке кивнул.

Он осторожно положил ружье на землю – вдруг оно заряжено – и пошел к деревьям.

Он не видел никакой мишени на земле. Если она и была там раньше, то теперь исчезла, как указатель на пляж.

– Левее! – крикнул мужчина в кепке. – За можжевельником!

И внезапно он узнал диалект. Эту мелодичную речь он уже слышал раньше. У нее. В этой деревне она проводила лето. Здесь. Она знает всех этих крестьян. Они дружили в детстве.

Она читала карту.

Казалось, это было вечность назад.

Это она завела их сюда.

В реальности там не было никакого кемпинга.

Он увидел мишень за кустом можжевельника. Она стояла прямо. Лось искоса смотрел на него. Или на что-то позади? Он обернулся. Увидел клетчатые рубашки, кепки, сапоги, поднятые ружья... Они целились в него. «Вы должны целиться в лося», – подумал он, прежде чем осознать. Осознать, что происходит. Раздался металлический щелчок. Звук был незнакомый, но он сразу догадался, что это за звук. «Некоторые вещи доходят быстро», – подумал он. Небо за мужчинами было оранжевого цвета. На его фоне виднелся темный силуэт вышки. И наверху он увидел фигуру. Он хотел замахать. Хотел позвать. Хотел все объяснить. Хотел взбежать вверх по ступеням. Хотел улететь. Вечерний бриз развеивал ее юбку как черный флаг.

Оке Эдвардссон родился в Экше в 1954 году. Начал он с работы журналистом, потом учителем в Гётеборгской школе журналистики, прежде чем издал свою первую книгу в 1995 году. Роман «Посвящается всему, что умерло» получил премию за лучший дебют от Шведской детективной академии. В этом романе впервые фигурировал главный инспек-

тор Эрик Винтер, который после фигурировал еще в одиннадцати книгах. За последние романы «Танец с ангелом» и «Небо – это место на земле» Эдвардссон в 1997 и 2001 годах получил премии за лучший роман года. По книгам об Эрике Винтере снято много фильмов. Права на них проданы в другие страны, включая США.

Ингер Фриманссон В нашем темном доме

У Ингер Фриманссон нет общих героев, но места и события могут повторяться из книги в книгу.

В своих произведениях она создает собственный воображаемый мир – Фриманссон-ленд, где живут и действуют ее персонажи. Некоторые из ее книг можно назвать психологическими триллерами, другие – психологическими романами. Четкую границу обозначить трудно, но во всех ее произведениях присутствуют мрачная атмосфера и ужасные поступки, которые люди совершают по отношению друг к другу, невзирая на последствия. Читателям следует знать, что 13 декабря в Швеции – день Святой Люсии. Шведы очень любят этот праздник, особенно дети. Традиция празднования уходит своими корнями в древние обычаи германских племен, привнесенные в Швецию, но современную популярность он приобрел в двадцатые годы двадцатого века, когда в городах стали объявлять конкурс красоты «Люсия». Начинается праздник с утренней процессии, в которой принимает участие Люсия, одетая в белое платье с алой лентой на поясе и свечами в волосах, и ее подруги и друзья – девушки в белом с мишурой в волосах и «звездные мальчики» с остроугольными колпаками, украшенными золотыми звездами. Они поют традиционные песни и желают счастливого Рождества.

На роль Люсии выбирают самую красивую девушку города, школы, компании и так далее. Победительница посещает больницы, дома престарелых, церкви и даже нобелевских лауреатов. Они поют, угощают кофе, имбирными пряниками, глинтвейном, булочками с шафраном – все эти вкусные вещи ассоциируются с Люсией. Празднуют Люсию и в домах обычных шведов. Там песни поют дети. Почему Люсия? Потому что в Сицилии две тысячи лет назад была святая мученица Люсия, слава которой дошла и до Швеции.

Но в шведском празднике Святой Люсии нет ничего религиозного. Это даже не выходной. Просто один из рождественских праздников. Подростки часто не спят всю ночь, веселятся и развлекаются, чтобы на рассвете пойти с процессией будить родителей и учителей.

Доктор Росберг был очень стар. В его возрасте уже не стоило бы работать, говорила Инга-Лиза.

– Но мне-то что, – добавляла она со смехом. – Мне он выписывает все, что ни попрошу. Правда, с поучениями, но главное – результат.

Инга-Лиза была ее новой подругой в Хофшё. Лет пятидесяти, громкая, наглая, но с добрым сердцем. Они познакомились по дороге из города, в автобусе, а потом обнаружили, что живут в одном доме.

– Ничего себе! Ты тоже здесь живешь!

Она постоянно ругалась. Зато у нее были связи. У Яннике не было никого. Однажды вечером они играли в карты на уютной кухне Инги-Лизы, и та рассказала о докторе Росберге.

– Я хожу к нему уже много лет. Он выписывает мне рецепты на все, что ни попрошу. Он знает, что у меня проблемы со сном. Артроз и фибромальгия мне спать не дают. Много женщин этим страдают. И доктор Росберг понимает женские страдания. В последний раз он прописал мне лекарство, способное свалить быка, так что принимать его надо очень осторожно.

Она долго думала об этом. О лекарстве, способном убить быка. Никаких конкретных планов у нее не было, только мысли. Но с мыслей все и началось.

Собравшись с силами, она записалась на прием. Ей пришлось так долго звонить в дверь, что она уже готова была сдать. Наконец раздались шаркающие шаги в коридоре. Дверь открылась, и выглянул морщинистый старичок.

– Фрёкен Линдер, это вы?

– Да, – ответила она.

– Добро пожаловать. Заходите.

Руки у него были такие длинные и худые, что вены, казалось, лежали поверх кожи. Одна мысль о том, что они будут касаться ее тела, ужасала. Но выбора у Яннике не было. Нужно разыграть эту пьесу.

– Добрый день, – произнесла она, придавая своему лицу страдальческое выражение и стараясь тяжело дышать.

– Присаживайтесь. Я вас вызову, – сказал он, показывая на диван.

Приемная у него располагалась в просторной квартире в Эстермальме. Мебель там была старая, обтянутая плюшем, засаленная, вся в пятнах. Инга-Лиза сказала, что в квартире он жил один; она ни разу не видела ни фру Росберг, ни медсестру. На диване лежала вязаная и изрядно потрепанная собачка. От носа почти ничего не осталось. Яннике представила, как дети искали у нее утешения, пока ждали приема врача, слыша ужасные стоны и крики из кабинета.

Она сняла шубу из искусственного меха и размотала полосатую шаль, согревавшую уши на морозе. Холода начались уже в ноябре. Даже выпавший снег не растаял, напоминая о скором Рождестве. Наверное, они сейчас сидят на работе и обсуждают снег за чашкой кофе. Встреча за чашкой кофе всегда была главным событием дня на работе. Наверное, горят две свечи – в знак второго адвента. Сильвия, как обычно, купила свечи и украсила их белым мхом. Она же взяла из подвала подсвечники и красные скатерти, которыми они пользовались весь декабрь и начало января, пока кто-нибудь (чаще всего это была Эви) не забирал их домой постирать в стиральной машинке. Наверняка купили имбирного печенья и сдобу с шафраном. У нее в ушах еще звучал хруст сахара, которым их посыпали. Как бы аккуратно они ни старались нарезать сдобу и выложить на тарелки, весь пол все равно был в крошках и сахаре. Порой кто-нибудь клеил злобную записку на кухне:

Твоя мама тут не работает. Убери за собой.

Это давало эффект, но только на время.

Яннике опустилась в кресло и взяла журнал. Женским журналам было лет пятнадцать. Зачитаны они были до дыр. Она листала журналы, поражаясь молодым знаменитостям в старомодных нарядах с ужасными прическами. Ватные плечи, налеченные волосы... Выглядело это нелепо. Вскоре дверь в кабинет открылась. Прокашлявшись, врач объявил:

– Фрёкен Линдер, ваша очередь.

Как будто, кроме нее, тут был кто-то еще.

Он присел за массивный стол и почти скрылся за стопками бумаг. Слева от него на маленьком столе стоял пыльный пластиковый скелет, скалясь на нее зубами. Яннике поежилась.

– Что привело вас ко мне, фрёкен Линдер?

– Мне вас посоветовала моя подруга... Инга-Лиза... – Внезапно фамилия подруги выпала у нее из головы, и Яннике смутилась.

Мужчина достал бумагу из пачки. Она увидела записи, сделанные дрожащей рукой, и вдруг зарыдала. Без всякой на то причины. Слезы просто хлынули из глаз, словно отчаянный крик о помощи. Смутившись еще больше, она закрыла рот ладонью.

Он сочувственно посмотрел на нее. Кожа под глазами у врача висела мешками, словно глазные яблоки в любую секунду могли вывалиться. Яннике достала платок.

– У меня все болит, – прошептала она.

– Где у вас болит? – спросил он с участием.

– Тут и тут... все тело....

– Хм... – Он полистал бумаги. – Вы обращались к врачу раньше?

– Нет.

– Почему?

– Думала, что врач мне не поможет...

– Почему?

– Понимаете, у моей мамы были эти боли, у ее сестер, у бабушки... Они сказали, что у женщин такое бывает и ничего с этим не поделаешь. Что-то вроде фибро... Нет смысла идти к врачу, сказали они. Им нет дела до наших женских недугов. А потом я познакомилась с Ингой-Лизой, моей соседкой. Она рассказала мне о вас, доктор Росберг... о том, какой вы хороший врач, как вы заботитесь о пациентах и не хотите, чтобы люди страдали....

Он отложил бумаги и уставился в окно. Крылья носа подрагивали.

– Я должен вас осмотреть, как вы, наверное, понимаете.

– Конечно.

– Я не могу выписывать рецепты направо и налево всем, кто попросит.

– Нет, конечно, нет.

– Я пожилой человек. Скоро я закрою свою практику.

– Как жаль, – пробормотала она.

Он сцепил костлявые пальцы.

– Что делать. Рано или поздно все в жизни заканчивается.

Он попросил ее раздеться и лечь на кушетку. Бумажная пеленка была вся драная. Яннике заметила, что рулон кончился. Неохотно она разделась до белья и опустилась на кушетку. Пока она раздевалась, он тактично отвернулся и теребил руки скелету. Они хрустели.

– Вы готовы, фрёкен Линдер? – спросил он.

– Да, – ответила она, лежа на спине.

– Тогда я иду.

Яннике подняла взгляд к потолку, где высоко на проводе висела лампочка. Она лежала и разглядывала паутину в углах. Врач наклонился над ней, прижал к груди стетоскоп и вслушался.

– Хм... – хмыкнул он и начал ощупывать ее тело холодными руками. Он надавливал, нажимал, щипал... Он оказался так близко, что были видны грубые волосы, растущие из ушей и ноздрей. От него исходил слабый запах ацетона. Ее затошнило.

– Да, – произнес он. – Боль – это неприятно. Она отравляет жизнь.

Она кивнула. Слезы снова потекли по щекам. Врач потрепал Яннике по макушке и посмотрел на нее с грустью в глазах.

– Успокойтесь, фрёкен. Мы это исправим.

Он сел за стол, а она принялась одеваться, гадая, понял ли он, что она врет, или нет. Но вроде не понял.

– Я выпишу вам лекарство под названием «Декстромордифен». Но я должен предупредить вас о рисках, связанных с его употреблением.

– Да?

– Вообще-то этот препарат слишком сильный, чтобы начинать с него лечение. Но у вас это наследственное, так что других методов я не вижу. Попробуем нанести по болезни решительный удар.

Яннике затаила дыхание.

– Но я прошу вас принимать его с осторожностью.

Она кивнула.

Доктор протянул ей рецепт и с тревогой в глазах спросил:

– Фрёкен водит машину?

Она покачала головой.

Его взгляд словно проникал в душу.

– А алкоголь?

– Простите?

– Даже один плоток алкоголя в сочетании с этим лекарством может вызвать проблемы с дыханием. Даже не может, а вызовет, я неточно выразился. Фрёкен понимает, что я говорю? Это может грозить серьезными последствиями. Сначала пациент ничего не замечает, но через тридцать минут начинает задыхаться... и тогда спасти его уже поздно. Это так же опасно для жизни, как и ядовитые грибы. И действует быстрее. Гораздо быстрее.

Он замолчал и посмотрел в окно.

Яннике сглотнула.

– Понимаю... я бы никогда не стала мешать лекарства со спиртным... у меня дома и алкоголя-то нет....

Он сжал губы.

– Очень разумно с вашей стороны. И еще одно... У фрёкен есть дети?

– Нет, – шепнула она.

– А среди ваших близких? Дети соседей?

– А что? – спросила.

– Держите таблетки подальше от детей. Запирайте. На вкус они как конфеты и могут сильно навредить.

В Сёдертелье Яннике поехала на электричке. Когда Артур ее бросил, она лишилась дома. Жили они в его двушке с потрясающим видом в Тантолунден. Но Артур выкинул ее из квартиры. Яннике пришлось отправиться к маме, но через пару дней они так достали друг друга, что мама сама нашла ей нелегально сдающуюся однушку в Сёдертелье.

– Сколько тебе лет, Яннике? Тридцать шесть? Когда ты наконец станешь самостоятельной?

Яннике знала, что глубоко внутри мама рада, что они с Артуром расстались. Ведь он был мусульманином, да еще и с темным цветом кожи. А ее мать всегда тяжело воспринимала людей, непохожих на нее. Глядя в окно на заснеженные поля, она вспомнила тот день, когда познакомила маму с Артуром. Ее поразила внезапная агрессия матери. «Ты ее и бурку носить заставишь?» Артур промолчал. Он был тактичным человеком. Обычно он старался не показывать своих эмоций, но мама достала и его. Наконец Артура прорвало, и он с такой силой поставил чашку на стол, что у нее отвалилась ручка. Это была чашка из кофейного сервиза бабушки Бетти с узором в виде плюща. Ей пришлось бежать за ним по улице и умолять остаться.

– Не злись. Она не это хотела сказать! С ней такое бывает.

Но сама Яннике знала, что мать сказала то, что хотела, и что ей придется выбирать между ней и Артуром.

Яннике выбрала Артура. Он хорошо с нею обращался, заботился, утешал, когда ей было грустно. В постели с ним было лучше, чем с кем бы то ни было. Когда она осталась без работы, он ее поддерживал, по крайней мере в первое время. Покупал разные вкусности, дарил подарки. Даже связался с профсоюзом и спросил, как шведское трудовое законодательство позволяет выкинуть порядочного человека с работы без серьезных на то основа-

ний. Начались переговоры, в процессе которых, разумеется, выяснилось, почему ее выгнали. Все эта язва Гунхильд и ее рассказы. Артур с Яннике сидели по одну сторону стола, Гунхильд и омбудсмен⁴ – по другую. Язва Гунхильд сняла свои уродливые старомодные очки. Руки у нее дрожали. Это еще вопрос – у кого проблемы со спиртным.

– Ваша подруга каждый день приходила на работу в нетрезвом состоянии. Мы долго это терпели. Слишком долго. Но больше у нас нет сил.

Яннике видела, как у Артура перехватило дыхание.

– Простите, но это не может быть правдой, – сказал он не совсем грамматически правильно. Он хорошо говорил по-шведски для иностранца, но все равно в речь закрадывались ошибки. Но лучше бы он сейчас помолчал.

– Да? А что говорят коллеги? – спросил без особого интереса омбудсмен. Во время разговора он по большей части игрался с открывашкой.

И эта язва Гунхильд, ее начальница, открыла портфель и достала оттуда свернутый и перехваченный резинкой лист.

– Вот, – объявила она и начала медленно стягивать резинку. Под текстом на листе оказалось десять подписей. Все ее коллеги. Даже Марья, которой она так доверяла...

Поезд подкатил к платформе в Сёдертелье. Яннике вышла, на ходу натягивая рюкзак, в котором лежали две упаковки таблеток, полученных по рецепту в аптеке «Шиле». Всего сто таблеток. От этого знания ее бросало в жар. Все будет хорошо. Скоро ее страдания закончатся.

Квартира ее располагалась на первом этаже, так что Яннике все время держала шторы задернутыми, боясь любопытных взглядов. Дети часто стучали ей в окно, бросали какашки и комки грязи. Жаловаться родителям не было смысла. Лучше всего было просто притворяться, что ничего не замечаешь. У подъезда столпились дети. При виде ее они даже не сделали попытки освободить проход. Один из них показал ей язык. Сразу вспомнились слова доктора о том, что таблетки на вкус как конфеты. Протиснувшись между детей, она вошла в подъезд. Голова кружилась. Оказавшись в квартире, Яннике тут же направилась прилечь. Сердце билось в груди как безумное. Пот лил ручьем. Зажмурившись, она застонала. Спустя какое-то время поднялась, вышла в кухню и налила себе стакан рома, который осушила в несколько глотков. Только тогда головокружение прекратилось. Но тут вспыхнули воспоминания о встрече с профсоюзом.

Злоупотребление алкоголем на рабочем месте. Ничто не действовало. Замечания, выговоры, предупреждения, доверительные беседы... Чем дольше длилась встреча, тем тише становился Артур и тем больше увеличивалась пропасть между ними. Ей стало страшно. Вечером, когда они вернулись домой, ему было пора уходить на работу. Он продавал билеты в метро на станции в Старом городе – одной из самых сложных в городе. Неподалеку собирались нацисты. Они не упускали случая поиздеваться над ним. Даже губы у него были бледные, когда он повернулся и сказал:

⁴ Омбудсмен – должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля за соблюдением прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.